

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра восточных языков
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой восточных языков
Е.В. Чистова

« 17 » июня 2016 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПЕСКА В РОМАНЕ АБЭ КОБО
«ЖЕНЩИНА В ПЕСКАХ»

Выпускник

Ю. А. Михасёва

Научный руководитель

ст. преп. Ю. М. Горячева

Консультант

канд. филол. наук Е. В. Чистова

Нормоконтролер

С.А. Шатохина

Красноярск 2016

РЕФЕРАТ

Выпускная квалификационная работа по теме «Метафорический образ песка в романе Абэ Кобо «Женщина в песках»» состоит из 65 страниц текстового документа, 1 таблицы, 3 диаграмм, 48 использованных источников.

Ключевые слова: КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА, КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА, СИМВОЛ, МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ, АНТРОПОМОРФНЫЕ, ПРИРОДОМОРФНЫЕ, СОЦИОМОРФНЫЕ, АРТЕФАКТНЫЕ МЕТАФОРЫ.

Цель работы: изучение метафорического образа песка в романе «Женщина в песках» автора Абэ Кобо.

В соответствии с поставленной целью формулируются следующие **задачи**: определить основные функции и особенности метафоры; рассмотреть основные типы метафоры; выявить и проанализировать метафоры в романе Абэ Кобо «Женщина в песках».

Актуальность данного исследования обусловлена, во-первых, не иссякающим интересом к изучению метафоры; во-вторых, определяется неоднозначностью представления метафоры как языковой единицы.

В данной дипломной работе проводится анализ романа в оригинале и в переводе, содержащий примеры метафорических моделей как средства создания образа песка. Источником языкового материала исследования является текст романа японского писателя Абэ Кобо «Женщина в песках», как пространство, предоставляющее богатый языковой материал и отражающий языковую картину мира автора, как представителя определённой культуры.

В результате анализа метафоры песка мы выявили 18 метафорических моделей, на основании которых пришли к выводу, что Абэ Кобо для создания метафорического образа песка склонялся к использованию природоморфных моделей переноса. Кроме того, с учётом особенностей японского языка, а точнее того, что смысловую нагрузку в предложениях в большей степени несут глаголы, глагольная метафора получила широкое распространение в романе. Нам удалось обнаружить интересную особенность авторского метафорического переноса, заключающегося в метафоре, передаваемой ономастическими единицами.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	2
ГЛАВА 1. МЕТАФОРА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	6
1.1. Метафора как языковая единица.....	6
1.2. Современный подход к изучению метафоры.....	11
1.2.1. Когнитивный подход к метафоре.....	11
1.2.2. Метафора в японском языке.....	15
1.3. Употребление метафоры в речи.....	18
1.3.1. Проблематика классификации метафоры.....	18
1.3.2. Концептуальная метафора.....	23
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1.....	26
ГЛАВА 2 АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА ПЕСКА В РОМАНЕ АБЭ КОБО «ЖЕНЩИНА В ПЕСКАХ».....	28
2.1. Роман Абэ Кобо «Женщина в песках» в мировой литературе.....	28
2.1.1. Содержательная часть романа.....	28
2.1.2. Символ песка в романе.....	29
2.2. Анализ метафорического образа песка.....	31
2.2.1. Антропоморфная метафора.....	31
2.2.2. Природоморфная метафора.....	35
2.2.3. Социоморфная метафора.....	42
2.2.4. Артефактная метафора.....	43
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2.....	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	58
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	61

ВВЕДЕНИЕ

Каждый народ, каждая нация и культура по-своему воспринимает действительность, и это напрямую зависит от особенностей среды проживания людей. Более того, эта среда оказывает своё сильное влияние на формирование специфической системы метафор, которые, в свою очередь, являются основой для многочисленных фразеологических единиц. Человеческое мышление отличается своей метафоричностью, способностью осмысливать явления одного рода в терминах другого рода.

Как языковое средство метафора встречается как в устной, так и в письменной форме. Кроме того, её использование широко распространено в художественных произведениях, нет ни одного автора, который не применял бы метафорический перенос для яркого описания героев, различных явлений и действий. Однако, несмотря на многовековую историю изучения, исследование метафоры остается одним из актуальных направлений, в том числе и для когнитивной лингвистики.

Темой нашего исследования стало изучение метафорического образа песка в романе «Женщина в песках» автора Абэ Кобо. Выбор данного романа для исследования и анализа метафор обусловлен следующими факторами:

- метафора, являясь одним из важных когнитивных механизмов, влияет на формирование картины мира, а главным источником метафор являются значимые произведения нации;
- данное произведение, «Женщина в песках», является так называемым романом – метафорой, то есть сам по себе роман представляет широкую область исследования.

Актуальность данного исследования обусловлена, во-первых, не иссякающим интересом к изучению метафоры; во-вторых, определяется неоднозначностью представления метафоры как языковой единицы. Метафора используется во всех художественных произведениях, кроме того,

число исследований в данной области непрерывно растёт, что подтверждает актуальность нашего исследования.

В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) определить основные функции и особенности метафоры;
- 2) рассмотреть основные типы метафоры;
- 3) выявить метафоры в романе Абэ Кобо «Женщина в песках»;
- 4) проанализировать метафоры в романе Абэ Кобо «Женщина в песках».

Объект исследования: метафора как языковое явление.

Предметом нашего исследования является метафорический образ песка в романе Абэ Кобо «Женщина в песках».

В работе использован комплексный **метод исследования**:

- 1) теоретический анализ специальной литературы по изучаемым вопросам;
- 2) компонентный, функциональный и дистрибутивный (контекстный) анализ;
- 3) метод сплошной выборки.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов исследования в курсе общего языкознания при изучении проблем теории коммуникаций и когнитивной лингвистики, в курсе стилистики и лексикологии русского и японского языков, а также в курсе литературоведения.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов и журналистов, таких как: А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Е. С. Кубрякова, И. А. Стернин, Л. В. Балашова, А. Е. Куланов, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Й. Ито. За основу **практической части** выпускного исследования был взят роман Абэ Кобо «Женщина в песках» в оригинале и в переводе на русский язык В. С. Гривнина.

Работа состоит из: введения, двух глав и заключения.

Введение раскрывает актуальность, определяет степень научной разработки темы, объект, предмет, цель, задачи и методы исследования.

В первой главе определяется понятие метафоры, ее функции, типы и стилистическое значение. Во второй главе анализируется метафорическое своеобразие романа Абэ Кобо и его особенности, предьявляется доказательная база использования метафоры в романе.

В заключении подводятся общие итоги выпускной квалификационной работы, формируются окончательные выводы по рассматриваемой теме.

ГЛАВА 1. МЕТАФОРА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Метафора как языковая единица

Метафора, пережившая тысячелетнюю историю изучения, не исчерпала своего потенциала и актуальности, более того она дала толчок к развитию большого количества новых подходов и теорий. Каждое направление в лингвистике создаёт своё понимание сущности и функций метафоры, а также привносит свои методики изучения как отдельно взятых метафор, так и типов метафор и метафорических моделей. Для современной когнитивной лингвистики изучение метафоры является одним из важнейших направлений. От традиционного понимания метафоры, введённого Аристотелем, как «украшения речи», а также от взглядов на метафору, присущих генеративистики (Н. Хомский, Л. Н. Мурзин и др.) и структурализму лингвисты отказались давно. Когнитивный подход (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Е. С. Кубрякова, Н. Д. Арутюнова, А. П. Чудинов и др.) рассматривает метафору как основную (или одну из основных) ментальную операцию, с помощью которой мы познаем, структурируем и объясняем мир вокруг нас [Чудинов, 2001].

Многие люди воспринимают метафору скорее как поэтическое и риторическое выразительное средство, которое принадлежит литературному языку, и не имеет отношение к повседневному обыденному общению. Более того, обычно метафору рассматривают исключительно как принадлежность естественного языка, как то, что относится к сфере слов, но не к сфере мышления или действия. Подобный взгляд на метафору и послужил причиной такого мнения, что можно в жизни обходиться и без неё. Опровергая данную точку зрения, Дж. Лакофф и М. Джонсон писали, что «метафора, пронизывая всю нашу повседневную жизнь, проявляется и в повседневной речи, то есть в языке, и в мышлении, и в действии. Реализующаяся в нашей обыденности понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, по своей сути метафорична». (“Metaphor is for most

people device of the poetic imagination and the rhetorical flourish – a matter of extraordinary rather than ordinary language. Moreover, metaphor is typically viewed as characteristic of language alone, a matter of words rather than thought or action. For this reason, most people think they can get along perfectly well without metaphor. We have found, on the contrary, that metaphor is pervasive in everyday life, not just in language but in thought and action. Our ordinary conceptual system, in terms of which we both think and act, is fundamentally metaphorical in nature.”) [Lakoff, Johnson, 2003: 87].

Также учёные подчёркивают, что «метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Именно это имеем мы в виду, когда говорим, что понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [Lakoff, Johnson, 2003].

Говоря о метафоре как таковой, подчеркнем, что на основе исследований современных лингвистов, в частности Е. Т. Черкасовой, Б. А. Серебrenникова, Е. С. Кубряковой, были выявлены лингвистические понятия и процессы возникновения и функционирования метафоры в речи, такие как: основное значение слова, общий семантический элемент; лексико-семантические связи слов, логически не соответствующие реальным связям предметов и явлений действительности, определенный семантический тип слова, грамматические категории одушевленности – неодушевленности имен существительных. Среди прочих выделим основное свойство метафоры – двуплановость, другими словами, метафора одновременно может быть применена к двум или нескольким объектам, в результате чего свойства того, о ком или о чём идет речь, просматриваются через свойства того, чьим именем это обозначено. Столкновение нетождественных смысловых спектров порождает качественно новую информацию, раскрывающую неизвестные ранее стороны содержания понятий, включенных в структуру метафоры. В

этом постоянном переносе понятий из одной сферы в другую не только проявляется гибкость человеческого разума – это необходимо для самого постижения действительности. Метафора является универсальным орудием мышления и познания мира [Грузберг, 2004].

Мы рассматриваем метафору, как одну из основных ментальных операций, что позволяет объединить две сферы понятий и создать возможность использования потенциала структурирования сферы-источника при помощи новой сферы [Чудинов, 2000].

Базовому лексическому значению слова отводится главная роль в изучении метафор, однако, так как в данном случае речь идет о существительном в роли метафоры к позиции предиката, приложения и к сочетанию с родительным падежом другого существительного, возникают некоторые проблемы. Во-первых, характеризующая функция метафоры требует формы сказуемого для выражения. Как писала Н. Д. Арутюнова: «Тезис о том, что метафора соотнесена с позицией предиката, не предполагает, что всякое фигуральное по своему смыслу сказуемое является метафорой. Метафора в сказуемом сталкивается с ограничениями, обусловленными морфологическими и лексико-семантическими факторами» [Арутюнова, 1988: 5]. Во-вторых, оформление метафор в синтаксисе также считается нерешенным вопросом, а возможность совмещения в одной языковой единице нескольких тропов лишь усугубляет его сложность. Так, метафора может быть гиперболической, метонимической, иронической, существуют метафорические сравнения, метафорические перифразы.

Следует отметить, что факт существования метафоры в языке как реальной семантико-синтаксической единицы даёт право говорить о признаках метафоры:

1. Семантическая двуплановость: признак, рассматриваемый в первую очередь с точки зрения толкования слова, как прямого, так и переносного его значения. Можно привести немало толкований, где прямое и переносное значение раскрываются таким образом, что вырисовываются их общие черты.

Так, основное и переносное значение в слове «пульс» объединены в представлении о темпе, ритме, в слове «изнанка» – о скрытой, оборотной стороне чего-либо.

2. Признак отвлеченности: метафоризация слова – это семантический процесс, в результате которого основное значение слова становится обобщенным, а вместе с этим менее определенным;

3. Признак экспрессивности: оценочное качество метафоры, которое проявляется в том, что, опираясь на признак основного и переносного значения, сравнивая их, метафора акцентирует внимание на какой-либо единичной семантической черте, которая содержится в первоначальном значении;

4. Синтаксический признак: синтаксические условия метафоризации слова, описанные в словарях;

5. Морфологический признак: числовая характеристика метафор-существительных (даётся словарями или справочниками) [Телия, 1977].

Метафора является неким показателем свойств объекта, выявленных на основе сходства с уже обозначенным в переосмысленном значении слова. Метафора, опираясь на «субъективное начало», широко используется в деятельности сознания как элемент классификации и/или оценки. Также можно интерпретировать метафоры как прием косвенной номинации. Эта закономерность обусловлена тем, что при формировании косвенных наименований в переосмысляемом значении актуализируются те признаки, которые существенны относительно смысла и детонации опорного наименования. Это создает условия для предикации объектам новых, несобственных для них признаков, а тем самым – для скачкообразного развития нового смысла за счет интерференции уже обозначенных предшествующем значении свойств объекта и сращения с ним признаков, атрибутируемых вновь обозначаемым «со стороны» опорного наименования. [Кубрякова, 1978]

Из выше описанного мы можем сделать вывод, что метафора изучается с разных сторон, в разных направлениях, что не даёт единого определения понятию.

1.2. Современный подход к изучению метафоры

1.2.1. Когнитивный подход к метафоре

Современная лингвистика трактует метафору как один из важнейших типов мышления человека, а также как элемент концептуальной картины мира. Основные постулаты разрабатываются в рамках когнитивной лингвистики.

В когнитивной лингвистике метафора получила терминологические наименования «когнитивная метафора» и «концептуальная метафора». Согласно Дж. Лакоффу, метафора – «когнитивный инструмент для понимания абстрактных понятий и абстрактного мышления» («Metaphor is a cognitive tool we use to comprehend abstract concepts and perform abstract reasoning») [Lakoff, 1993]. В свою очередь «концептуальную метафору» Дж. Лакофф интерпретирует как ментальную проекцию между концептуальными областями источника (состоит из понятий, которые помогают осмыслить новое) и цели (представлена понятиями, которые требуют осмысления) («crossdomain mappings from a source domain to a target domain») [Lakoff, 1993]. Таким является понимание метафоры в когнитивной лингвистике.

Метафора, когда развивались различные направления лингвистики, стала в XX веке для лингвистики в каком-то роде началом развития когнитивной науки. Однако изначально метафора не воспринималась как серьёзный объект для теорий, хотя уже тогда в рамках концептуальной теории она привлекала особое внимание лингвистов, исследования носили лишь случайный характер. Метафора имеет две совершенно противоположные стороны: первая предполагает наличие сходства между свойствами ее семантических референтов, а другая – различие между ними, так как метафора создаёт новый смысл.

Классификация метафор в лингвистике рассматривалась с разных аспектов. Разные исследователи выделяли их в определенные типы, также

разрабатывались различные подходы и критерии, на основе которых метафоры распределялись по разным классам.

На основании смежности понятий, то есть в рамках метонимического подхода намечаются две стратегии:

- метонимическая феноменологическая стратегия: концептуализацию через примеры, образцы или просто через отдельные проявления;
- метонимическая ноуменологическая стратегия: гиперонимы, то есть классическое определение через род и видовую специфику, в основе которых лежат отношения смежности, одно явление определяется через другое. Включая в себя гомогенный элемент, метафора становится символом [Илюхина, 1994: 7].

Поясним, что гомогенный элемент – это проявление метонимичности (смежности) на фоне метафорической стратегии (сходства). С этим элементом метафора переносится в феномен и перестает быть лишь домыслом иной реальности, в этот момент метафора привязывается к действительности.

Наличие гомогенных компонентов в гетерогенной метафоре создает бесконечную семантическую перспективу. В метафоре компонент сравнения элиминируется. В символе зона уподобления незамкнута. Отсюда та исчерпаемость символа, которая неизменно подчеркивается в эстетике.

В основе выделенных стратегий лежит презумпция метафоры, и символ толкуется как метафора, осложненная отношениями смежности.

Теперь стоит заострить внимание на взаимоотношениях метафоры и сравнения. Метафора создаёт сходство на основе сопоставления в различных направлениях и перспективах, в свою очередь сравнение является стереотипным восприятием действительности в нашем сознании. Рассматривая разницу между формами переноса значений, стоит ввести слова Н. Д. Арутюновой о метафоре: «статична; она отражает остановившийся, лишенный внутренней динамики мир – мир сущностей», а «сравнение – уподобление подвижно и измеримо» [Арутюнова, 1988: 1].

У Н. Д. Арутюновой когнитивная метафора выступает одним из функциональных типов языковой метафоры. Когнитивная метафора служит созданию новых значений, а метафоризация «возникает в результате сдвига в сочетаемости признаков слов и создаёт полисемию» [Арутюнова, 1988]. Таким образом, автор создаёт новое определение метафоры – «метафора превращается в способ формирования недостающих языку значений. Метафора – орудие не только наименования признака, но и самого выделения признака. Метафора и создаёт значение, и даёт ему имя» [Арутюнова, 1988].

Обращаясь всё также к исследованиям Н. Д. Арутюновой, мы выясняем, что когнитивная метафора:

- переносит признак предмета к
 - 1) событию,
 - 2) процессу,
 - 3) ситуации,
 - 4) факту,
 - 5) мысли,
 - 6) идеи,
 - 7) теории концепции и другими абстрактными понятиями;
- даёт языку логические предикаты, обозначающие
 - 1) последовательность,
 - 2) причинность,
 - 3) целенаправленность,
 - 4) выводимость,
 - 5) обусловленность,
 - 6) уступительность.

На образных представлениях и метафоре мы строим понимание абстрактного мира, так как в большинстве случаев человек не способен описать эмоциональное состояние в прямом номинативном значении, так как речь идёт не о конкретном образе, а об абстрактном [Арутюнова, 1999: 3]. Если говорить доступным языком, то внутренний мир человека является

отображением внешнего, материального мира, поэтому «основным источником психологической лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных, метафорических смыслах» [Несветаилова, 2014: 310].

По исследованиям Арутюновой можно выделить характерные черты когнитивной метафоры:

- 1) метафоризация предикатного значения признаков слов;
- 2) создание новых значений в ходе метафорического переноса;
- 3) гносеологическая роль (инструмент познания).

Языковые механизмы реализации метафорического переноса в художественном тексте весьма разнообразны. Метафорический перенос осуществляется:

1) при наименовании предмета: *the house was a white elephant* – дом был белым слоном;

2) при употреблении существительного в предикативной квалифицирующей функции: *he had become almost a myth* – он стал почти мифом;

3) при употреблении глаголов и глагольных форм в функции предиката: *by deserting his wife and child* – покидая его жену и ребенка;

4) при употреблении прилагательных и наречий: *cold grey eyes* – холодные серые глаза, *the spidery fingers of her hands* – небрежные пальцы ее рук;

5) в генитивных сочетаниях: *crown of red-gold hair* – корона рыжих золотых волос;

6) в сравнительных конструкциях: *a film like a bird was beginning to come, followed her* – фильм птицей стал приходить, преследуя ее;

7) в устойчивых фразеологических сочетаниях [Galsworthy, 1922: 159].

Кодирование смысла с помощью зрительных образов относится к памяти, обобщающей предшествующий опыт субъекта в виде разветвленных моделей действительности и имеющей сложное многоуровневое строение.

Выбор вспомогательного субъекта обусловлен конкретной ситуацией, а также основным субъектом, вернее относящимися к нему предикативными признаками. Последние являются, по существу, определенными «катализаторами» метафорического переноса, так как формирование ассоциативной связи начинается в том случае, если хотя бы один из предикативных признаков основного субъекта попадает в сферу действия закрепленных в сознании носителей языка характеристик вспомогательного обобщенного субъекта.

1.2.2. Метафора в японском языке

Исследования метафоры в японском языке не так широко представлены, как на западе. Нобуо Сато в своей работе «Ощущение риторики» (リトリック感覚) писал про метафору так: «С древних времён и по настоящее время метафора всегда является центром внимания риторики. Даже после того, как в 19 веке классическая риторика теряет свои позиции, метафора продолжала привлекать внимание философов и поэтов. Есть мнение, что, несмотря на большое количество книг и статей, написанных ещё в древности, проблемы, связанные с метафорой, всё ещё актуальны» (古代から、現代でもなお、隠喩はつねにレトリックの中心的な関心のまどである。一九世紀後半に古典レトリックがすっかり見捨てられたのちも、隠喩だけはいつも哲学者、詩人たちの興味をひきつづけている。かぞえてみることもとても不可能だが、古来、研究され書かれてきた隠喩論の書物や論文は、何百、いや何千か、数知れず、隠喩にかかわる問題はもう出つくしているのではないかとさえ思われるありさまだ) [佐藤 1992: 113].

Понятия 隠喩 и 暗喩, о которых говорит Н. Сато, рассматриваются скорее в литературоведческом аспекте: сравнение вещей без употребления сравнительных конструкций「みたいな」или「のような」(「○○みたいな」だとか「○○のような」といった目印を使わないで、ものごとをととえる); сравнение вещей, используя слова, передающие смысл «изначально я пытался сказать» (「もともとと言おうとした」ことばと意味の似ていることばを使って、ものごとをととえる).

Само слово *メタファー* «метафора» как лингвистическое понятие в японском языке заимствовано. Определение *メタファー* включает в себя понятия *隠喩* и *暗喩*: «Метафора – это то же, что и *隠喩*、*暗喩*, один из риторических методов, который относится к фигурам речи, но не указывает явно выраженную форму предмета» («*メタファー*は*隠喩*、*暗喩*ともいい、伝統的には修辞技法のひとつとされ、比喩の一種でありながら、比喩であることを明示する形式ではないものを指す») [goo 国語辞書]. В статье «Метафора» (*隠喩*) автор говорит о различии понятий *メタファー* и *隠喩*: «Понятие «*メタファー*» имеет широкое значение. По сравнению с этим, «*隠喩*» имеет узкое значение» («*メタファー*」ということばは、広い意味をもっている。それに比べて、「*隠喩*」ということばは、狭い意味をもっている。)[*ふき出しのリトリック*, 2013]. Хотя три слова *隠喩*、*暗喩* и *メタファー* считаются синонимами, стоит подчеркнуть, что в лингвистических исследованиях используется именно понятие *メタファー*. Это даёт право утверждать, что все исследования метафоры основывается на базе знаний, заложенной западными учёными.

Однако, если определения понятия метафора, в Японии и на Западе совпадают, то стоит отметить, что концептуальное знание, представленное в метафорических образах и фразеологизмах, что является продуктом метафор, зачастую расходятся.

Так, например, в своём исследовании И. К. Ботоев отмечает следующие различия: «Если для англичан «лошадь» из фразеологического выражения «*As strong as a horse*» является символом здоровья, то носитель русского языка в данном случае использует образ «быка» из идиомы «здоров как бык». В свою очередь «бык» и «корова» из японского фразеологизма *牛のあゆみ Ushi-no ayumi* является для японца эталоном медлительности, а в русском же языке подобным имиджем обладает «улитка» – «Со скоростью улитки» [Ботоев, 2013: 32].

Сравнительный анализ И. К. Ботоева показывает, что «при совпадении внешней формы и внутреннего значения метафоры в языках оригинала и перевода...позволяет в полной мере передать авторский замысел...», а при

попытке «использования при переводе лишь внешней формы метафоры, ..., в большинстве случаев приводят к значительному искажению значения оригинала» [Ботоев, 2013: 30]. На основе таких выводов мы можем утверждать, что в метафорах скрыт значительный языковой потенциал, при помощи которого люди определённых культур строят своё понимание внешнего мира, ориентируясь на собственный язык.

Итак, мы выяснили, что в японском языке понятие метафоры в литературном направлении и лингвистическом чётко разграничивается:

- для художественного приёма используется японское слово 隠喩,
- для определения лингвистической единицы – заимствованное メタファー.

Кроме того, мы можем утверждать, что исследования метафоры в Японии основывается на достижениях западных ученых. Например, в той же статье «隠喩» автор говорит, что работа М. Блэка «Метафора» получила высокую оценку в данной области [ふき出しのリトリック, 2013]. В статье «Происхождение японских идиом: теоретические рамки и механизмы возникновения» (日本語慣用句の成り立ち:理論的な枠組みと発生のメカニズム), глава «Теоретическая база» посвящена описанию работ Дж. Лакоффа, М. Джонсона и Р. Гиббса [方小賛, 2014]. Но мы выяснили, что, несмотря на одну исследовательскую базу, следует уделить отдельное внимание изучению японских метафор, поскольку мировоззрение и языковая картина мира данной культуры существенно отличается от русской и западной.

1.3. Употребление метафоры в речи

1.3.1. Проблематика классификации метафоры

На сегодняшний день до сих пор не была разработана единая логическая классификация метафор. В случае метафоры сложно выделить однозначные параметры, по которым их можно было бы сгруппировать, поэтому мы имеем множество подходов и классификаций, которые рассматривают метафору с разных сторон и выделяют разные её виды.

Для того чтобы выявить роль метафоры в языке, следует в первую очередь определить основные её функции. Метафора как языковая единица, употребляясь в речи, несет свою языковую нагрузку. Согласно классификации В. К. Харченко выделяются такие функции, как:

- номинативная – словотворчество на основе переносных значений. «Метафора выручает словотворчество: без метафоры словотворчество было бы обречено на непрерывное производство все новых и новых слов и отяготило бы человеческую память невероятным грузом». [Парандовский, 1982: 4]. Роль метафоры уникальна в том, что она способна облегчить понимание того или иного явления. Проще говоря, делает необъяснимое объяснимым. Данное свойство присутствует как внутри одного языка, так и на уровне межкультурной коммуникации. Образ может возникать при дословном переводе заимствованного слова и, наоборот, при переводе слов родного языка на другие языки;

- информативная – целостность и панорамность образа;
- мнемоническая – запоминание информации. Эмоционально-оценочная природа метафоры объясняет высокий коэффициент запоминания информации;

- стилеобразующая – создание стиля текста, в частности художественного стиля;

- текстообразующая – способность быть мотивированной, развернутой, то есть объясненной и продолженной;

- жанрообразующая – свойства метафоры, которые участвуют в создании определенного жанра. По мнению польского исследователя С. Гайда жанр и стиль имеют определённые связи. На примере стихотворений, загадок и пословиц мы можем увидеть, что они почти не существуют без метафоры;

- объяснительная – в учебной и научно-популярной литературе метафоры помогают усваивать сложную научную информацию, терминологию. Объяснительная функция метафор дарует нам языковую поддержку при изучении физики, музыки, биологии, астрономии, живописи, при изучении любого ремесла [Булыгина, 1990: 14];

- эмоционально-оценочная – средство воздействия на адресата речи, вызывающее эмоционально-оценочную реакцию;

- конспирирующая – сокрытие смысла;

- игровая функция – языковая игра, широко употребляется в художественных произведениях, в особенности в фольклоре. Так в поговорках главная роль метафоры игровая (в отличие от пословиц, где ведущая функция этическая), созданная скорее для балагурства, чем для воспитания, и т.д.

Данная классификация функций метафоры не может являться полностью совершенной по той причине, что количество и иерархия функций является открытым вопросом. Например, мнемоническую функцию можно не рассматривать как самостоятельную, а конспирирующую рассматривать в рамках кодирующей, эмоционально-оценочную подключать к номинативной. Кроме того, в реальности, когда мы имеем дело с живым языком, все функции в той или иной степени перекрещиваются и находятся «в отношениях не только взаимного дополнения, но и взаимной индукции» [Харченко, 1992: 19].

Но даже при такой классификации мы можем сделать некоторые выводы. Так, например, будет уместно утверждать, что мнемоническая функция метафоры делает запоминание проще, тем самым влияет другую функцию метафор, объяснительную, в учебной и научно-популярной литературе. А кодирующие свойства метафоры привели к широкому ее использованию как этического средства, поскольку этический эффект нередко зависит от завуалированности, потаенности этического воздействия.

В своём исследовании Е. С. Кубрякова отводит метафоре следующие характерные черты:

- 1) антропоцентризм (человек как центральная фигура);
- 2) экспансионизм (ориентация на расширение области лингвистических исследований);
- 3) функционализм (язык в дискурсе, то есть в жизни, в действии);
- 4) экспланаторность (стремление не только описать, но и объяснить факты).

В соответствии с представлениями современной когнитивной семантики в качестве основных функций метафоры выделяются:

1. Когнитивная, то есть функция обработки и переработки информации.
2. Номинативная: метафора как средство фиксации знания. Используется в случаях, когда нет общепринятого наименования, или если автора не устраивает то или иное наименование реалии, и нужно обратить внимание на определенные свойства.
3. Коммуникативная (передача информации): передача новой информации в краткой и доступной для адресата форме.
4. Прагматическая (воздействие на адресата): как средство формирования у адресата необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия.
5. Изобразительная: метафора помогает сделать сообщение более образным, ярким, наглядным, эстетически значимым.

6. Инструментальная: метафора помогает субъекту мыслить, формировать собственные представления о мире.

7. Гипотетическая: метафора позволяет представить что-то еще не до конца осознанное, создать некоторое предположение о сущности метафорически характеризуемого объекта.

8. Моделирующая (схематизирующая): метафора позволяет создать некую модель мира, уяснить взаимосвязи между его элементами.

9. Эвфемистическая: метафора помогает передать информацию, которую автор по тем или иным причинам не считает целесообразным обозначить при помощи непосредственных номинаций.

10. Популяризаторская: метафора позволяет в доступной для слабо подготовленного адресата форме передать сложную идею [Чудинов, 2001].

11. Также, в соответствии с общими представлениями когнитивной лингвистики, язык – знаковая система, естественным образом подразделяемая на лексикон, морфологию и синтаксис, но это единый континуум символьных единиц. Вследствие чего, при анализе концептуальной метафоры во внимание принимаются не только собственно метафоры, но и сравнительные обороты, разнообразные перифразы, метонимия и иные образные средства, учитываются не только собственно слова, но и фразеологизмы, составные наименования; в равной степени рассматриваются слова, относящиеся к различным частям речи, лексико-грамматическим разрядам и семантическим объединениям. Другими словами, понятийное сближение воспринимается как фактор значительно более важный, чем уровневые или структурные различия [Чудинов, 2001].

Существует большое количество классификаций метафор, тем не менее, в нашем исследовании мы будем опираться на хорошо разработанную классификацию А.П. Чудинова, в которой он подразделяет метафоры на 4 основных вида: антропоморфная, метафора природы, социальная метафора и артефактная метафора» [Чудинов, 2003: 77-78].

1. Антропоморфная метафора – это тип метафоры, в которой предметы и явления объективной действительности выражаются посредством ассоциации их собственно с человеком, его частями тела, формами, а также с его чувствами и эмоциями. То есть реальность формируется по образу и подобию самого человека.

2. Метафора природы – это тип метафоры, в которой предметы и явления объективной действительности выражаются посредством ассоциации их непосредственно с флорой, фауной и неживой природой. То есть реальность формируется в концептах мира окружающей человека живой и неживой природы.

3. Социальная метафора – это тип метафоры, в которой предметы и явления объективной действительности выражаются посредством ассоциации их с деятельностью человека. То есть реальность формируется по образцу различных сфер социальной активности человека.

4. Артефактная метафора – это тип метафоры, в которой предметы и явления объективной действительности выражаются посредством ассоциации их с миром вещей, созданных руками человека.

Названные разряды метафор также можно схематично представляют как: «Человек как центр мироздания», «Человек и природа», «Человек и общество», «Человек и результаты его труда» [Чудинов, 2003].

Таким образом, на основе выделенных функций мы выяснили основные положения использования метафоры в речи, определили понятие метафоры, как языковой единицы. Из выше написанного можно подвести итоги: метафора как языковая единица существует в языке и речи; метафора может быть рассмотрена с различных точек зрения, что позволяет дать различные определения данного явления в языке. В данной выпускной работе мы опираемся на исследования А. П. Чудинова, который определяет метафору как основную ментальную операцию, объединяющую две сферы понятий, и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при помощи новой сферы. Кроме того, на основе

классификации В. К. Харченко и других учёных, мы определили функции метафоры. Среди них: когнитивная, номинативная, коммуникативная, прагматическая, изобразительная, гипотетическая, моделирующая, эвфемистическая, популяризаторская функции.

1.3.2. Концептуальная метафора

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей работе «Метафоры, которыми мы живём» впервые рассмотрели термин «концептуальная метафора», который используется для наименования особого типа переносного употребления, они в своей статье раскрыли особенности данного типа метафоры и объяснили её суть. Рассмотрим основные постулаты Теории концептуальной метафоры:

1) Понятие концептуальная метафора: метафора – это одна из основных ментальных операций, это способ познания, структурирования и объяснения окружающего нас мира. «Метафора проникает в повседневную жизнь, причем не только в язык, но и в мышление и действие. Наша обыденная понятийная система, на языке которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Lakoff, Johnson, 2003: 126].

2) На приведенном авторами примере мы можем проследить использование метафорического понятия для характеристики всей системы. Понятие ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ, ВРЕМЯ – ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС, ВРЕМЯ – ЦЕННАЯ ВЕЩЬ образуют единую систему, основанную на категориальном вложении понятий, поскольку в нашем обществе деньги входят в понятие ограниченных ресурсов, а ограниченные ресурсы – в понятие ценных вещей. Эти отношения характеризуют и импликации метафор: ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ имплицитно метафору ВРЕМЯ – ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС, а ВРЕМЯ – ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС имплицитно метафору ВРЕМЯ – ЦЕННАЯ ВЕЩЬ. Авторы делают выводы, что таким образом «суть метафоры заключается в понимании и переживании сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [Lakoff, Johnson, 2003: 143].

3) Авторы также делают вывод, что метафорическое понятие не отражает и не может отражать все без исключения аспекты исходного понятия. «Метафорические понятия дают лишь частичное осмысление того, какова суть коммуникации, что такое спор, что такое время; при этом они затемняют (маскируют) некоторые аспекты этих понятий. Важно учитывать, что метафорическое упорядочивание реальности носит в этих случаях не всеобъемлющий, а лишь частичный характер. Если бы оно было всеобъемлющим, одно понятие было бы тождественно другому понятию, а не просто осмысливалось бы в его терминах. Например, время реально не тождественно деньгам. Если вы затрачиваете ваше время (If you spend your time), стремясь к достижению некоторой цели, но не достигаете этой цели, вы не можете вернуть ваше время назад. В реальном мире банков времени нет. Я могу уделить вам много своего времени (I can give you a lot of time), но вы не можете вернуть мне назад то же самое время, хотя можете вернуть мне то же самое количество времени (you can give me back the same amount of time)» [Lakoff, Johnson, 2003:143].

Итак, концептуальная метафора по Дж. Лакоффу и М. Джонсону – это «способ мышления и познания мира, чья суть заключается в понимании и переживании сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [Lakoff, Johnson, 2003:128]. В настоящее время существует несколько подходов к исследованию концептуальной метафоры.

Термин «концептуальная метафора» встречается в работах Е. О. Опариной, она говорит: «в метафоре, обозначающих непредметные сущности... направленность на формирование концептов обуславливает совмещений функций: номинативной и концептуальной» [Опарина, 1990]. А в исследованиях О. Ю. Буйновой метафора рассматривается с двух сторон: метафора в языке и метафора в мире. Метафора в мире и является альтернативным названием «концептуальной метафоры», она создаёт новые понятия и образы.

А. П. Чудинов говорит, что концептуальные метафоры не только соотносят какие-либо явления с определенным периодом жизни общества, но могут быть свидетельством социокультурных, экономических и политических изменений. Более того, метафора способна быть мощным средством переосмысления концептуализации общественного сознания, «то есть изменения системы базисных представлений народа о себе, о своей стране и своей роли в ее развитии [Чудинов, 2001: 227].

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1

В современной лингвистике исследования метафорического образа объекта хоть и не являются многообразными, но становятся все более популярными и востребованными. За последнее время вышло немало работ, в которых исследователи изучают явление метафоры в различных областях человеческой деятельности, способы её создания, а также ту роль, которую она выполняет в коммуникации.

По причине различий подходов изучения, направлений и целей, понятие метафоры и метафорического образа может трактоваться по-разному. Однако часто, особенно в коммуникационных дисциплинах, им присваивают сходные характеристики, их рассматривают как эквивалентные.

В когнитивной лингвистике концептуальную метафору рассматривают как одну из основных ментальных операций, как способ познания, категоризации, оценки и объяснения мира.

Мы выяснили, что в японском языке слово «метафора» в лингвистическом понимании на том уровне, который требует от нас наше исследование, целиком и полностью было заимствовано. То есть наряду с существующими японскими словами, используется гайрайго メタファー. На основании чего мы делаем вывод, что концептуальная метафора в японском языке развивается на научных знаниях западных учёных, но различие в языковой картине мира убеждает нас в том, что японские метафоры всё же следует рассматривать отдельно от других культур.

Концептуальная метафора выступает одним из сильнейших аппаратов выражения внутреннего мира и взгляда на мир человека, а так же на создание картины мира, как отдельного индивида, так и национальной картины.

Основное свойство метафоры состоит в том, что она приложима к двум или нескольким объектам одновременно, в результате чего свойства того, о ком или о чём идёт речь, просматриваются через свойства того, чьим именем это обозначено. Столкновение нетождественных смысловых спектров

порождает качественно новую информацию, раскрывающую неизвестные ранее стороны содержания понятий, включенных в структуру метафоры. В этом постоянном переносе понятий из одной сферы в другую не только проявляется гибкость человеческого разума – это необходимо для самого постижения действительности. Метафора является универсальным орудием мышления и познания мира.

Классификация, на которую мы будем опираться в нашем исследовании, подразделяет метафоры на четыре вида: антропоморфные, природоморфные, социоморфные и артефактные, а также, учитывая особенности японского языка, немаловажно обратить внимание на частеречную классификацию.

ГЛАВА 2 АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА ПЕСКА В РОМАНЕ АБЭ КОБО «ЖЕНЩИНА В ПЕСКАХ»

2.1. Роман Абэ Кобо «Женщина в песках» в мировой литературе

Для данного исследования мы выбрали роман «Женщина в песках», который занимает почётное место не только в литературе Японии, но и в мировой литературе. Нередко работу Абэ Кобо называют романом-метафорой, потому как целиком и полностью он состоит из психологических и философских метафор, а также сама ситуация описанная в романе может стать одной большой метафорой как обычной фирмы, так и общества в целом. Поэтому мы и решили сделать его материалом нашего исследования. Мы считаем важным определить метафорический образ песка, основные метафорические модели, которые использует автор.

2.1.1. Содержательная часть романа

Роман описывает действие, происходящее в середине 20-го века, в Японии. Молодой мужчина, который увлекается насекомыми, уезжает в недолгое путешествие к морю, чтобы пополнить свою коллекцию насекомых. Примечателен тот факт, что мужчина уезжает, не сказав никому, куда, и насколько долго, будто бежит от обыденности. Герой прибывает на место, где занимается любимым делом – поиском насекомых, и не замечает как, поглощённый этим процессом, сам уподобляется им, копаясь в песке. Опоздав на автобус, он был вынужден остановиться в деревне, спрятанной среди дюн. Дом, где останавливается герой, находится на дне ямы, куда путешественника спускают на веревочной лестнице, якобы, помогая. На скучный образ жизни женщины, хозяйки дома, мужчина смотрит свысока: она всю ночь убирает сползающий сверху песок. Утром, когда мужчина собрался покинуть деревню, лестницы не оказалось. Ловец насекомых попадает в ловушку.

Попав на дно ямы, мужчина вынужден ночами копать песок. В первое время он противится, но все попытки бессильны против женщины, которая молчаливо ждала, когда он привыкнет. Затем мужчина иступленно начинает искать выход, потом внезапно смиряется.

Герой был не первым человеком, которого заманили в яму и вынудили каждую ночь бороться с песком за деревню. Удушливость и безвыходность, потеря свободы оказывается, в конце концов, всего лишь одной из миллиона песчинок, потому что цели и то, к чему энтомолог изначально хотел вернуться, не так уж и важны. А теряя стимул, являющийся точкой отсчета, мужчина теряет и осознание себя как личности с совокупным прошлым. Теперь у него нет прошлого, нет былых целей и нет будущего кроме песка. Личность стерта, уничтожена.

2.1.2. Символ песка в романе

Главным символом романа является песок, и, чтобы раскрыть его смысл, необходимо обратиться к его расшифровке. В словаре символов Джека Тресиддера песок – это «по очевидным причинам, символ множества. В бесплодных, засушливых регионах, особенно на севере Африки и Ближнем Востоке, песок заменял воду при мытье и чистке посуды и помещений и поэтому ассоциировался с очищением. В более общем значении он символизирует неустойчивость, уничтожение, разрушение и течение времени (ассоциация с песочными часами)» [Тресиддер, 1999: 30].

Именно такой образ песка и предстаёт в романе: «Такие же потоки песка погребали, поглощали процветающие города и великие империи» [Гривнин, 2004]. Он практически разрушил деревню, в которую попал герой романа, это разрушение проявляется в том, что герои и жители деревни, чтобы остаться в живых и чтобы сохранить деревню, должны постоянно бороться с песком. В такой ситуации человек становится частью песчаной местности, самой песчинкой: «Он рисовал в своем воображении движение

песка, и у него уже начинались галлюцинации – он видел себя самого в этом нескончаемом потоке» [Гривнин, 2004].

Если песок предстаёт в романе как символ разрушения, то, противопоставляясь ему, существует и символ возрождения – вода. Также согласно определению Дж. Тресиддера, «вода – древний универсальный символ чистоты, плодородия и источник самой жизни. Во всех известных легендах о происхождении мира жизнь произошла из первородных вод, женского символа потенции, лишенной формы. В общем смысле вода – эмблема всех жидкостей в материальном мире и принципов их циркуляции (крови, сока растений, семени), растворения, смешения, сцепления, рождения и возрождения» [Тресиддер, 1999: 124].

И песок, и вода по природе своей являются символами очищения, но помимо этого песок заключает в себе еще и символ разрушения, а вода – это символ жизни. В данном романе выражено ясное противопоставление воды и песка: если песок и может существовать без воды, то в романе Абэ Кобо вода без песка не может: песок есть и на дне бочонка с водой, и в жидкой похлебке, а чтобы получить воду, нужно копать песок. Кроме того, в романе проявляется и такие символы как, песок – мужское начало, вода – это женское начало. Если женщина – вода, то ее пребывание в этой деревни невозможно без мужчины – песка. Мужчина в то же время выступает и разрушителем: то он противится отгрести песок, то он устраивает погромы в доме. Однако, с другой стороны, мужчина – это источник воды для женщин: за совместную работу им дают больше воды, к тому же мужчина сам изобретает способ добычи воды из песка. В романе раскрывается миф – женское начало «воды» произошло из мужского начала «песка».

2.2. Анализ метафорического образа песка

В нашей выпускной квалификационной работе мы проанализировали метафорический образ песка в романе Абэ Кобо «Женщина в песках», который представлен в когнитивных метафорах, широко распространенных в романе. Для анализа мы исследовали оригинальный текст романа и русский перевод под авторством В. С. Гривнина.

Примеры метафор из романа «Женщина в песках» мы рассмотрим и классифицируем согласно классификации, разработанной А. П. Чудиновым, и выделим наиболее характерные модели создания метафорического образа. Как мы рассмотрели в теории, он выделяет четыре вида метафор: антропоморфная, природоморфная, социоморфная и артефактная.

2.2.1. Антропоморфная метафора

Реальность человек понимает и моделирует её образ по своему подобию, и концептуальные реалии определённых объектов не исключение, что позволяет нам проследить определённые метафорические модели из различных понятийных сфер: «Болезнь», «Семья», «Физиология», «Чувства» и т.д. и т.п.

Рассмотрим антропоморфные метафоры, с которыми мы столкнулись в проанализированном тексте романа.

В качестве одной из главных антропоморфных метафорических моделей мы выделили: ПЕСОК – ЧЕЛОВЕК, или ПЕСОК – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ. То есть человек – это живой организм, который обладает определённым набором частей тела, чувств, эмоций, характеристик, которые часто используется для формирования картины мира.

В начале романа мы встречаем следующую метафору: 砂は決して休まない。 *Suna-ha kesshite yasumanai*. [阿部公房「砂の女」, 2003: 17]. – «Песок не знает отдыха» [Гривнин, 2004]. – Здесь мы обнаружили, как автор приписывает такую человеческую характеристику, как усталость. Чуть дальше мы вновь встречаем подобное сравнение:

砂は休んじやくれません。。。 *Suna-ha yasunjakuremasen...* [阿部公房「砂の女」, 2003: 45].

«Песок не отдыхает и не дает отдыха...» [Гривнин, 2004].

Также стоит обратить внимание на то, что, говоря «песок не знает отдыха», автор подчеркивает его преимущество, или даже авторитет, потому как люди, живущие в деревне, подчиняются его «воле». То есть, когда «работает» песок, тогда и людям приходится включаться в работу.

Далее песок называют «добропорядочным минералом», что мы можем также отнести к данной модели ПЕСОК-ЧЕЛОВЕК, поскольку «добропорядочный» – это, безусловно, качество характера человека.

砂ってやつは、れっきとした鉱物なんですよ。 *Sunatte yatsu-ha, rekki-toshita ko:butsu nan desu yo.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 33].

«Песок вполне добропорядочный минерал» [Гривнин, 2004].

А в конце романа можно встретить такую метафору:

砂の変化は、同時に彼の変化でもあった。 *Suna-no henka-ha, do:ji-ni kare-no henka-demo atta.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 262].

«Перемены, происшедшие в песке, были в то же время и переменами в нем самом» [Гривнин, 2004], которая наиболее подчеркивает отождествление песка с человеком.

自分自身が、砂になる。。。砂の眼でもって、物を見る。。。 *Jibunjishin-ga, suna-ni naru... suna-no me-de motte, mono-wo miru...* [阿部公房「砂の女」, 2003: 110].

«Я сам стану песком... Буду видеть все глазами песка...» [Гривнин, 2004].

В японском языке также свойственно наделять неодушевлённые предметы человеческими частями тела. То есть здесь мы видим, как для придания песку характеристик живого существа, автор наделяет, во-первых, его глазами. Во-вторых, герой говорит о том, что желает сам стать песком, но, если в русском языке по аналогии с песком мы говорим «превратиться в пыль» или «стереть в порошок», имея в виду смерть или уничтожение, а

также песок в русской культуре ассоциируется со старостью («стар, что песок уже сыпется»), то здесь смысл заключается в том, чтобы стать тем, кто и является разрушением. Здесь мы обнаружили явное отличие концепта ПЕСОК в понимание автора.

Кроме того, были обнаружены такие метафоры, через которые автор выражал характеристики человека через сферу-источник «песок»:

声までが、保護色に身をひそめ、砂の色になり、。。 *Koe-madega, hogoshoku-ni mi-wo hisome, suna-no iro-ni nari,...* [阿部公房「砂の女」, 2003: 130].

«Даже голос его приобрел защитную окраску — под цвет песка» [Гривнин, 2004].

Перед нами метафорическое сравнение голоса человека и песка.

皮膚と、砂の幕のあいだに、融けたバターのような、濃い汗の層があった。 *Hifu-to, suna-no maku-no aida-ni, toketa bata:-no yo:na, koi ase-no so:-ga atta.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 133].

«Между кожей и коркой песка был слой густого пота, напоминавшего масло» [Гривнин, 2004].

しかも、その表面が、きめの細かい砂の被膜で、一面におおわれているのだ。 *Shikamo, sono hyo:men-ni, kime-no komakai suna-no himaku-de, ichimen-ni oowareteiru-noda.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 51].

«Все тело покрыто тонким налетом песка» [Гривнин, 2004].

Кроме того, в метафоре 砂の毛管現象だ。 *Suna-no mo:kan gensho:da.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 259] «Капиллярность песка» [В. С. Гривнин, 2004] мы можем увидеть, как автор стремится наделить песок качествами живого организма, так как 毛管現象 *капиллярность* обеспечивает жизнедеятельность организма. То есть мы можем подтвердить наличие модели ПЕСОК – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ.

Ниже вновь мы обнаруживаем действие, которое характерно больше человеку, нежели объекту природы:

細かな砂が無表情にさらさらと流れ落ち、間もなく止んだ。*Komakana suna-ga muhyo:jo:-ni sarasara-to nagareochi, tamonaku yanda.*

«Мелкий песок еще некоторое время бежал, шурша по склону. Потом остановился» [Гривнин, 2004]. – Здесь мы обнаружили, что песок олицетворяется при помощи таких глаголов, как «бежать» и «остановиться» – действия человека или живого организма. И дальше видим «отступать», «есть», «бить», «взбираться»:

砂丘の稜線が平たくなって、海と反対の側に、張り出している部分があった。*Sakyuu-no ryo:sen-ga hiratakunatte, umi-to hantai-no kawa-ni, haridashiteiru bubun-ga atta.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 20].

«Вершина стала более ровной, кое-где дюна далеко отступала от моря» [Гривнин, 2004].

砂のにおいが鼻を刺した。眼にもしみた。*Suna-no nioi-ga hana-wo sashita. Me-ni moshimita.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 77].

«Песок набился в нос, ел глаза» [Гривнин, 2004].

降りそそぐ砂が、顔をうつ。*Furisosogu suna-ga, kao-wo utsu.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 118].

«Падающий песок бьет в лицо» [Гривнин, 2004].

あるいは、村に砂丘が、重なりあってしまったのだ。*Arui-ha, mura-ni sakyu:-ga, kanariatteshimatta-noda.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 11].

«А может быть, дюна взбиралась на деревню?» [Гривнин, 2004].

Итак, в ходе нашего анализа, мы выявили следующие Антропоморфные метафорические модели: ПЕСОК – ЧЕЛОВЕК, ПЕСОК – ЧАСТЬ ТЕЛА – которые передаются как через действия (глаголы, применимые только к деятельности человека), так и через сопоставление песка и частей тела (наделяя песок органами и изображая песок как орган).

2.2.2. Природоморфная метафора

Издавна природные явления служат человеку средством восприятия, своего рода прообразом, в соответствии с которым моделируется социальная

деятельность, позволяя таким образом создавать языковую картину мира. Сферами-источниками в этом случае выступают понятийные сферы «Мир животных», «Мир растений» и «Мир неживой природы».

На основе ряда примеров приведенных ниже, мы выделили такие метафорические модели, как: ПЕСОК – ЖИДКОСТЬ, ПЕСОК – ВОДА, ПЕСОК – ВОЛНА, ПЕСОК – ЗВЕРЬ.

Наиболее распространённые по всему роману образы песка как раз совпадают с характеристиками воды, что делает их противопоставление куда более явным, но в то же время, меняет концепт самого песка: здесь песок больше не что-то сухое и безжизненное, а мокрое и стремительное, как вода.

一步踏みだすごとに、砂がめくれ上って、靴の上を流れた。Ippo fumidasu goto-ni, suna-ga mekurenobotte, kutsu-no ue-wo nagareta. [阿部公房「砂の女」, 2003: 19].

«При каждом шаге песок обрызгивал его ботинки» [Гривнин, 2004].

Здесь характеристика песка передаётся с помощью глаголов, связанных с корнем и основой 流れ, которая в японском языке означает текучесть и используется только с жидкостями, в частности, с водой.

細かな砂が無表情にさらさらと流れ落ち、間もなく止んだ。Komakana suna-ga muhyo:jo:-ni sarasara-to nagareochi, tamonaku yanda.

«Мелкий песок еще некоторое время бежал, шурша по склону. Потом остановился» [Гривнин, 2004]. Данный перевод не отображает полной метафоры: 無表情に muhyo:jo:-ni «невыразительно» – здесь вновь мы можем увидеть, как автор наделяет песок человеческими качествами, то есть в этом случае песок, будто имеет потенциал выражать какие-либо эмоции. К тому же, В. С. Гривнин переводит глагол 流れ落ちる как «бежать», но стоит отметить, что в этом глаголе используется корень 流れ, который употребляется в отношении воды, тогда и онома топさらさら следовало бы перевести в отношении воды как «журча». Поэтому мы пользуемся собственным переводом, чтобы учесть все эти нюансы: Мелкий песок,

невыразительно журча, стекал, и вскоре остановился – теперь перед нами явно предстала модель ПЕСОК – ВОДА.

途中で砂に吸われ、。。。 *Tochu:-de suna-ni suware, ...* [阿部公房「砂の女」, 2003: 58].

«Ко всему еще он поглощался песком» [Гривнин, 2004].

砂に力を吸われてしまうのだ。 *Suna-ni chikara-wo suwareteshimau-no da.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 113].

«Песок поглощал все силы» [Гривнин, 2004].

Помимо глаголов, песок наделяют такими внешними обликами, которые присуще воде: струйки, волны, течение и прочие.

すったマツチの軸にそって、時計の秒針ほどの速度で、砂の波が移動している。 *Suteta matchi-no jiku-ni sotto, tokei-no byo:shin hodo-no sokudo-de, suna-no nami-ga ido:shiteiru.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 19].

«Вдоль брошенных спичек почти со скоростью секундной стрелки двигались струйки песка» [Гривнин, 2004].

波の一つに、目標をさだめ、それがちょうど靴の踵の端にとどいたときに、立上った。 *Nami-no hitotsu,mokuhyo:-wo sadame, sore-ga cho:do kutsu-no kakato-no tan-ni todoita toki-ni,tachinobotta.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 19].

«Он заметил небольшую волну песка и, как только она докатилась до каблука его ботинка, поднялся» [Гривнин, 2004].

あの砂の流れが、かつては繁栄した都市や大帝国をさえ、亡ぼし、呑みこんでしまったことがあったのだ。 *Anosuna-no nagare-ga, katsute-ha han'eishita toshi-ya daiteikoku-wo sae, horoboshi, nomikonde shimatta koto-ga atta-noda.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 48].

«Такие же потоки песка погребали, поглощали процветающие города и великие империи» [Гривнин, 2004].

確実なのは、ただ、一切の形を不定する砂の流動だけである。 *Kakujitsuna-noha, tada, issai-no katachi-wo futeisuru suna-no ryuudo:-dakede ru.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 49].

«Реально лишь текучесть песка, отрицающего всякую форму» [собственный перевод] (перевод В. С. Гривнина не передал слово «текучесть»).

砂が流動しているのではなく、実は流動そのものが砂なのだという。。。
Suna-ga ryu:do:shiteiru-no dewanaku, jitsu-wa ryu:do: sonno mono-ga suna nano-de to iu... [阿部公房「砂の女」, 2003: 110].

«Песок не является течением, на самом деле, течение и есть песок...» [Гривнин, 2004].

やがて天井の一角から、砂がめまぐるしく変化するになって、どっと吐き出されてきた。
Yagate tenjo:-no ikkaku-kara, suna-ga memagurushiku henkasuru-ni natte, dotto hakidasaretekita. [阿部公房「砂の女」, 2003: 77].

«Потом из потолка, то из одного места, то из другого, устремилось вниз множество ручейков песка» [Гривнин, 2004].

あちこちで、細い糸になって、砂が降りはじめた。
Achikochi-de, hosoi ito-ni natte, suna-ga fuihajimeta. «Тут и там тонкими нитями закапал песок» [собственный перевод]. В переводе В. С. Гривнина не было передано переносное значение глагола 降りはじめた, так как в этом глаголе используется корень 降り, который переводится как «идти (о дожде, снеге)».

Также встречаются такие метафоры, которые косвенно передают модель ПЕСОК – ЖИДКОСТЬ, ПЕСОК – ВОДА.

砂に浮かんだ、自由な船。。。
Suna-ni ukanda, jiyuuna fune... [阿部公房「砂の女」, 2003: 49].

«Свободный корабль, плывущий по песку» [Гривнин, 2004].

たとえ、砂より比重の軽い、コルク栓のようなものでも、ほうっておけば、自然に沈んでしまう。
Tatoe, suna-yori hiju:-no karai, korukusen-no yo:na monodemo, ho:tteokeba, shizen-ni shizundeshimau. [阿部公房「砂の女」, 2003: 50].

«Если, к примеру, положить на него пробку, имеющую меньший удельный вес, чем песок, то через некоторое время она утонет» [Гривнин, 2004].

「いいえ、食器なんかでしたら、砂でこすただけでよく落ちます。」*Iie, shokki-nanka deshitara, suna-de kosutta-dakede yoku ochimasu.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 73].

«Нет, посуду я протираю песком, и она становится совсем чистой» [Гривнин, 2004].

Такие словосочетания, как «плыть по песку», «тонуть в песке», «протирасть песком» (в контексте имеется в виду сырой песок, который играет роль воды, в которой моют посуду) передают качества воды, жидкости песку.

И наконец, мы встречаем прямые сравнения через номинацию песка как объекта, связанного с водой:

砂がごうごう、滝みたいに流れだしましてね。。*Suna-ga go:go:, takimitai-ni nagareda shimashitene,..* [阿部公房「砂の女」, 2003: 34].

«Песок обрушивается сюда с грохотом, как водопад» [Гривнин, 2004].

目指す砂丘の頂上に立っているのだった。*Mezasu sakyu:-no cho:jo:-ni tatteiru-noda.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 11].

«Он стоял на гребне дюны – именно там, куда стремился» [Гривнин, 2004].

岬まではまでゆるやかな砂丘が、幾重にもねりつずけているばかりだ。*Misaki-madeha made yuruyakana sakyu:-ga, ikue-nimo neritsuzuketeiru bakarida.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 197].

«Перед ним до самого мыса нескончаемыми волнами лежали пологие дюны» [Гривнин, 2004].

Не менее интересны и обратные метафоры, когда жидкость или то, что должно быть влажным или мокрым, предстаёт в характеристике песка:

大洋は白く乾いた砂だった。*Taiyo:-ha shiroku kawaita suna data.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 9].

«Океан был белым высушенным песком» [Гривнин, 2004].

唾をはくと、口の中もざらついていた。*Tsuba-wo hakuu-to, kuchi-no naka-mo zaratsuite ita.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 19].

«Когда он сплюнул, во рту также пересохло» [Гривнин, 2004].

Здесь формант も показывает, что не только песок, но и полость рта сухие, то есть уместно сравнение «во рту сухо, как в пустыне».

Так как главный символ песка – разрушение, то стоит отметить, что Абэ Кобо вводит модель ПЕСОК – ЗВЕРЬ не случайно.

ずるい獣のように、吸いつく砂。 *Zurui kimono-no yo:ni, suitsuku suna.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 121].

«Песок полз за ним, как хитрый зверь» [Гривнин, 2004].

В данном примере мы видим когнитивную метафору, метафорический перенос в которой происходит при помощи сравнительной конструкции. Метафора «Песок как хитрый зверь» употребляется при описании песка, подчеркивая его опасность и разрушительную силу.

男はひどくまごついてしまう。小さいと思って何気なく踏みつけた、蛇のしっぽが、意外に大きく、気がつくと、相手の顔が自分の後ろにあったと言うような、とまどいだ。 *Otoko-ha hidoku magotsuite shimau. Chiisai-to omotte nanigenaku fumitsuketa, hebi-no shippo-ga, igai-ni ookiku, ki-ga tsuku-to, aite-no kao-ga jibun-no ushiro-ni atta-to iu yo:na, tomadoida.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 45].

«Мужчина растерялся. У него было такое чувство, будто он вдруг обнаружил, что змея, которой он наступил на хвост, легкомысленно считая ее маленькой и безобидной, оказалась неожиданно огромной и ее ядовитая голова угрожает ему сзади» [Гривнин, 2004].

地面は、…、足の裏に吸いつくような砂地に変わっている。 *Jimen-ha, ..., ashi-no ura-ni suitsukuyo:na sunaji-ni kawatteiru.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 8].

«Земля превратилась в присасывающийся к подошве песок» [Гривнин, 2004].

В данном примере мы также наблюдаем передачу «зловещей» силы песка при помощи сравнения с живым организмом, а точнее, наделяя его способность дышать, что передаётся корнем 吸, а в контексте глагол 吸いつく переводится как «присасываться», словно щупальцы. Так как дальше мы можем уже прочитать такое сравнение, как:

流れつづける砂の触手に、内臓を半分くいちぎられて。。。 *nagaretsudukeru suna-no shokushu-ni, naizo:-wo hanbunkuichigirarete...* [阿部公房「砂の女」, 2003: 37].

«Его внутренности уже наполовину проникающий всюду своими щупальцами, вечно текущий песок» [Гривнин, 2004].

Мы обнаружили, что автору характерно приписывать песку наличие частей тела животного, причём тех, которые вызывают страх, чтобы ещё больше подчеркнуть исходный смысл «разрушения» и «уничтожения».

Примечательна и следующая модель, где «песок» представляется не как самостоятельный природный материал, а как различные явления природы или даже стихийные бедствия:

稜線の光が、ふっと消えた。。。 *Ryo:sen-no hikari-ga,futto kieta...* [阿部公房「砂の女」, 2003: 203].

«Внезапно гребень дюны погас...» [Гривнин, 2004]. – Глагол «погас» чаще употребляется по отношению к огню или солнцу. Помимо этого, встречается ещё одна аналогия с «огнём»:

天井から降りだしに、一瞬あたりがけむって見えた。 *Tenjo:-kara furidashi-ni, isshun Atari-ga kemutte mieta.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 143].

«На миг глаза, как дымом, застлало песком, посыпавшимся с потолка» [Гривнин, 2004] – дым – продукт огня, а значит, на основании таких метафор мы можем выделить модель ПЕСОК – ОГОНЬ.

И вновь мы встречаем контрастную метафору, где «песок» уже не горячий и обжигающий объект, а наоборот, автор сравнивает его с холодной и разрушительной «лавинной»:

つづけて小さな砂なだれがあった。 *Tsudukete chiisana sunanadare-ga atta.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 60].

«Сорвалась еще одна небольшая песчаная лавина» [Гривнин, 2004].

急に砂の流れがはげしくなった。 *Kyu:-ni suna-no nagare-ga hageshiku natta.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 81].

«Внезапно лавина песка устремилась вниз» [Гривнин, 2004].

同時に、男は、ロープをめがけ、全身をばねにして砂を蹴上げた。Do:ji-ni, otoko-ha, ro:pu-wo megake, zenshin-wo bane-ni shite suna-wo keageta. [阿部公房「砂の女」, 2003: 119].

«В ту же минуту мужчина, напружинившись, кинулся к веревке, подняв за собой клубы песка» [Гривнин, 2004].

霧になって降る砂 Kiri-ni natte furu suna [阿部公房「砂の女」, 2003: 158].

«Песок плавал в воздухе, точно туман» [Гривнин, 2004].

Итак, в ходе нашего анализа, мы выявили следующие природоморфные метафорические модели: ПЕСОК – ВОДА, ПЕСОК – ЖИДКОСТЬ, ПЕСОК – ОКЕАН, ДЮНА – ВОЛНА, ПЕСОК – ЗВЕРЬ, ПЕСОК – ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ, ПЕСОК – ОГОНЬ, ПЕСОК – ЛАВИНА, ПЕСОК – ТУМАН.

2.2.3. Социоморфная метафора

В понимании внешнего окружающего мира помимо физической составляющей важно отмечать и социальную природу человека, и потому различные реалии социальной картины мира также могут стать «донором» (источником) для моделирования действительности.

Одно из наиболее явных сравнений песка с человеком как частью социума, общества мы можем заметить в следующем примере:

たかだか砂が相手じゃないか。Takadaka suna-ga aitejanaika. [阿部公房「砂の女」, 2003: 71].

«Не песок ли его главный враг?» [Гривнин, 2004].

В данном случае когнитивная метафора, основанная на наименовании предмета, приписывает песку такую особенность его характера, как «враг». Отсюда следует, что существительное «相手» вербализует уже существующее понятие и может быть заменено на ряд прилагательных, несущих отрицательный оттенок. Например: 悪い – плохой, 破壊的 – разрушительный. Однако, называя песок врагом, автор явно наделяет его человеческими качествами и позволяет ему вступать в социальные отношения с человеком.

В контрасте к этому ранее мы можем отметить такое явление, когда человек ещё стремился понять песок, как обычно стремятся понимать точку зрения другого человека, то есть испытывать эмпатию к песку.

砂のがわに立てば、形あるものは、すべて虚しい。 *Suna-no gawa-ni tateba, katachi-aru mono-ha, subete munashii.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 49].

«Если смотреть сквозь призму песка, все предметы, имеющие форму, нереальны» [Гривнин, 2004].

砂はいかにも従順で、仕事もはかどりそうだった。 *Suna-ha ika-nimo ju:jun-de, shigoto-mo hakadori so:datta.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 79].

«Песок ведь очень податлив, и работа продвигалась быстро» [Гривнин, 2004].

Итак, в ходе нашего анализа, мы выявили следующие социоморфные метафорические модели: ПЕСОК – ВРАГ, ПЕСОК – ОППОНЕНТ.

2.2.4. Артефактная метафора

Помимо человека и окружающей его живой и неживой природы, существует мир, созданный самим человеком, то есть искусственный, артефактный. Именно по аналогии с этими артефактами человек метафорически моделирует природные реалии, используя такие понятийные сферы-источники как «Дом (здание)», «Инструменты», «Машины», «Мир технологий», «Предметы быта» и т.д. и т.п.

Здесь мы выделили несколько видов метафорических образов, которые оказались не так широко распространены. Рассмотрим каждую из них поподробнее.

Мы встречаем такой перенос, где герой имплицитно высказывание «постель засыпало песком», говорит, что вместо постели песок, как бы сравнивая их на той основе, что и постель, и песок «покрывают» поверхность.

床のかわりに、砂が、なだらかなカーブをえがいて、壁の向うから落ちかかって来ていた。*Yuka-no kawari-ni, suna-ga, nadarakana ka:bu-wo egaite, kabe-no mukau-kara ochikakatte kiteita.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 37].

«... вместо постели возвышалась горка песка, набившегося сквозь щели в стене» [Гривнин, 2004].

砂漠の船。。。 *Sabaku-no fune...* [阿部公房「砂の女」, 2003: 50].

«Корабль песков...» [Гривнин, 2004].

Данная метафора встречается единожды, когда главный герой придумывает новый способ избежать участи быть поглощённым песком. С одной стороны, здесь так же прослеживается связь с водой, ведь именно по аналогии морских кораблей герой, понимая сходство природы песка и воды, ставя их на одно место, придумывает такую метафору «корабль песков».

В противовес единственной модели ПЕСОК – КОРАБЛЬ, в романе очень часто встречается словосочетание 砂の壁。。。 *Suna-no kabe...* [阿部公房「砂の女」, 2003] «стена песка...» [Гривнин, 2004] – с помощью неё автор подчёркивает непреодолимость песчаных дюн. В русском языке мы часто употребляем метафору «стена между нами», когда люди не могут понять друг друга, то есть стена выступает символом барьера. Исходя из данной метафоры мы можем подтвердить, что в романе автор вводит такое понимание «стены», которое усиливает эффект устрашения «песка».

Также можно встретить две интересные метафоры, строящие модель ПЕСОК – ЕДА:

Косвенно, через метафорические образы других объектов:

はるか眼の下の砂丘のふもとを、ちがれた白い波が噛んでいる。 *Haruka me-no shita-no sakyuu-no fumoto-wo, chigareta shiroi nami-ga kanderu.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 19].

«Далеко, насколько хватало глаз, рванные белые волны кусали дюны» [Гривнин, 2004].

砂にくいこむスコップの音と、自分の息ずかいだけが、時を刻むすべてだった。*Suna-ni kuikomu sukoppu-no oto-to, jibun-no iki zukai dake-ga, ji-wo kizamu subete data.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 79].

«Каждый удар лопаты, вгрызавшейся в песок, каждый вздох отсчитывали время» [Гривнин, 2004].

Здесь мы видим словосочетания 砂丘のふもとを噛んでいる *кусать/жевать дюны* и 砂に食い込む *вгрызаться* (食 – есть) *в песок*, то есть волна как бы ест песок, что и даёт нам подтверждение модели ПЕСОК – ЕДА.

Также мы видим прямой перенос:

どれもすこしずつ砂の味がする。*Dore-mo sukoshizutsu suna-no aji-ga suru.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 73].

«Все было слегка приправлено песком» [Гривнин, 2004].

その汗に、こびりついた砂は、色も感触も、しめった表落雁にそっくりだ。*Sono ase-ni, kobiritsuita suna-ha, iro-mo kanshoku-mo, shimetta hyo:rakugan-ni sokkurida.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 134].

«Песок, налипший на пот, и цветом и на ощупь — точно недопеченная пшеничная лепешка» [Гривнин, 2004].

凍った蜜色の淡いつぶつぶは、そろそろ霧の出はじめたしるしである。*Ko:ta mitsuirono awai tsubutsu-bu-ha, sorosoro kiri-no dehajimeta shirushi-dearu.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 188].

«...зерна песка цвета засахаренного меда указывали на то, что начинает опускаться туман» [В. С. Гривнин, 2004].

И наряду с этим выступает сравнение с посудой:

砂の摺鉢の底全体が、…*suna-no suribachi-no tei zentai-ga...* [阿部公房「砂の女」, 2003: 133].

«...всё дно песчаной чаши...» [Гривнин, 2004].

砂は、空鍋のように焼けていた。*Suna-ha. Karanabe-noyo:ni yaketeita.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 19].

«Песок горел, как пустая сковорода на огне» [Гривнин, 2004].

Или предметами быта:

要するに、この部落は、屏風岩と入江で首をしめられた、砂の袋なのだ。
Yo:suru-ni, kono buraku-ha, byo:buiwa-to irie-de kubi-wo shimerareta, suna-no fukuro nanoda. [阿部公房「砂の女」, 2003: 19].

«Таким образом, она находится как бы в песчаном мешке, стянутом у горла отвесными скалами и заливом» [Гривнин, 2004].

あちこちで、細い糸になって、砂が降りはじめた。*Achikochi-de, hosoi ito-ni natte, suna-ga furihajimeta.*

«Тут и там тонкими нитями посыпался песок» [Гривнин, 2004].

女の頭がみるみる白く粉をふく。*Onna-no atama-ga mirumiru shiroku kona-wo fuku.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 158].

«Голову женщины в мгновение ока засыпало белой пудрой» [Гривнин, 2004].

影から流れ出した飛砂の膜が、次々と、まだ別の影の下に吸いこまれていく。*Kage-kara nagaredasita hisa-no maku-ga, tsugitsugi-to, mada betsu-no kage-no shita-ni suikomareteiku.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 193].

«Пелена песка, поднятая ветром с одной тени, втягивалась следующей и следующей» [Гривнин, 2004].

その飛砂の膜のおかげで、うまく発見をまぬがれているのだろうか？
Sono hisa-no maku-no okage-de, umaku hakken-wo manugareteiru-no daro:-ka?
[阿部公房「砂の女」, 2003: 193].

«Может быть, эта пелена летящего песка и помешает заметить его?» [Гривнин, 2004].

Занимательны и такие метафоры, которые отображают характерную для песка способность поглощать, впитывать не через модель ПЕСОК – ВОДА, а через модель ПЕСОК – ВПИТЫВАЮЩИЙ МАТЕРИАЛ, НАСОС.

それどころか、この砂全体がポンプなのだ。*Soredokoro-ka, kono suna zentai-ga ponpu-nanoda.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 260].

«НО еще важнее другое: оказывается, весь песок – огромный насос» [Гривнин, 2004].

まるで、吸上げポンプの上に座っているようなものである。Maru-de, suage ponpu-no ue-ni suwatteiru-yo:na mono-de aru. [阿部公房「砂の女」, 2003: 260].

«Ему казалось, что он сидит на всасывающей помпе» [Гривнин, 2004].

ただ、砂は、力を吸収した埋め合わせに、足音のほうも吸い取ってくれる。Tada, suna-ha, chikara-wo kyu:shu:shita umeawase-ni, ashioto-no ho:-mo suitottekureru. [阿部公房「砂の女」, 2003: 205].

«Но, высасывая силы, песок как бы в награду за это поглощает звук шагов» [Гривнин, 2004].

反対に、東のほうは、深くくびれた入江になっており、無人の砂丘を十キロ以上も上げったり下ったりしたあげく。Hantai-ni, higashi-no ho:-ha, fukaku kubireta irie-ni natteori, mujin-no sakyu:-wo ju:kiro ijo:-mo agettari kudattarishita ageku. [阿部公房「砂の女」, 2003: 183].

«А к востоку от деревни в сушу глубоко, километров на десять, вдается залив, окаймленный пустынными дюнами» [Гривнин, 2004].

広く、扇形にひらいた砂の起伏のかなめのあたりに、瓦屋根や、トタン屋根や、板葺きの屋根が黒く群がり。。。Hiroku, o:gigata-ni hiraita suna-no kifuku-no kaname-no atari-ni, kawarayane-ya, totanyane-ya, itabuki-no yane-ga kuroku muragari... [阿部公房「砂の女」, 2003: 195].

«У подножия волнистых дюн, расходясь веером, громоздились черепичные, оцинкованные, тесовые крыши...» [Гривнин, 2004].

眼の端で、砂丘の稜線の一つが、金色に輝いた。Me-no hashi-de, sakyu:-no ryo:sen-no hitotsu-ga, kin'iro-ni kagayaita. [阿部公房「砂の女」, 2003: 201].

«Краем глаза он увидел блестящий золотом гребень дюны» [Гривнин, 2004].

穴の底に立って見れば、目にうつるものは、ただ際限もない砂と空だけだ。。。Ana-no soko-ni tatte mireba, me-ni utsuru mono-ha, tada saigen-mo nai suna-to sora dakeda... [阿部公房「砂の女」, 2003: 73].

«...но со дна ямы не видно ничего — только бескрайний песок, да небо...» [Гривнин, 2004].

Были выявлены и такие метафоры, в которых песок представал в качестве места, характеристикой пространства:

外にはすでに、月が出ているらしく、砂と空との境界線に、男たちの影が一とかたまりになって、ぼんやりとじんで見えていた。*Soto-niha sude-ni, tsuki-ga deteirusshiku, suna-to sora-tono kyo:kaisen-ni, otokotachi-no kage-ka ichi-to katamari-ni natte, bon'yari-ni jinde mieteita.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 117].

«...а снаружи уже, наверное, вошла луна, потому что на границе между песком и небом расплывчатым пятном темнела группа людей» [Гривнин, 2004].

とにかく、砂ばかりの、貧乏村ですからねえ。。。 *Tonikaku, suna bakari-no, binbo:desu-kara nee...* [阿部公房「砂の女」, 2003: 130].

«Нищая деревушка — песок один...» [Гривнин, 2004].

Из таких сравнений мы можем выделить модель ПЕСОК – ПРОСТРАНСТВО.

Итак, в ходе нашего анализа, мы выявили следующие артефактные метафорические модели: ПЕСОК – ПРЕПЯТСТВИЕ, ПЕСОК – ЕДА, ПЕСОК – ЁМКОСТЬ, ПЕСОК – ПРЕДМЕТ БЫТА, ПЕСОК – ПРОСТРАНСТВО.

Выделив вышеуказанные метафорические модели и определив частотность их использования в проанализированном тексте, мы можем выделить наиболее часто встречающиеся. Количество каждого вида метафорических моделей и их процентное соотношение представлено далее в Таблице 1.

Таблица 1. Частотность метафор

№	Типы метафор по А. П. Чудинову	Количество метафор	Количество моделей
1	Антропоморфные	15	2
2	Природоморфные	32	9
3	Социоморфные	3	2
4	Артефактные	24	5
Общее количество		74	18

Из данной таблицы видно, что и в количестве метафор, и в количестве моделей превалирует природоморфный тип метафор (32 метафоры, 9 моделей), и чаще всего мы встречаем сравнение через модель ПЕСОК – ВОДА, ПЕСОК - ЖИДКОСТЬ. Далее следуют артефактный тип (24 метафоры, 5 моделей), что даёт право утверждать, что автор стремится создать метафорический образ, приравнивая его к окружающим человека вещам, к тому, что человек создал сам, к тому, что близко ему. Менее уделено внимание сравнению песка с человеком, но всё же число антропоморфных метафор (15 метафор) имеет удельный вес. И, наконец, можно отметить, что Абэ Кобо оставляет практически без внимания метафоры социоморфного типа (3 метафоры, 2 модели).

Также нами были составлены диаграммы процентного соотношения количества метафор и метафорических моделей каждого разряда (Диаграмма 1 и 2).

Диаграмма 1. Частотность метафор

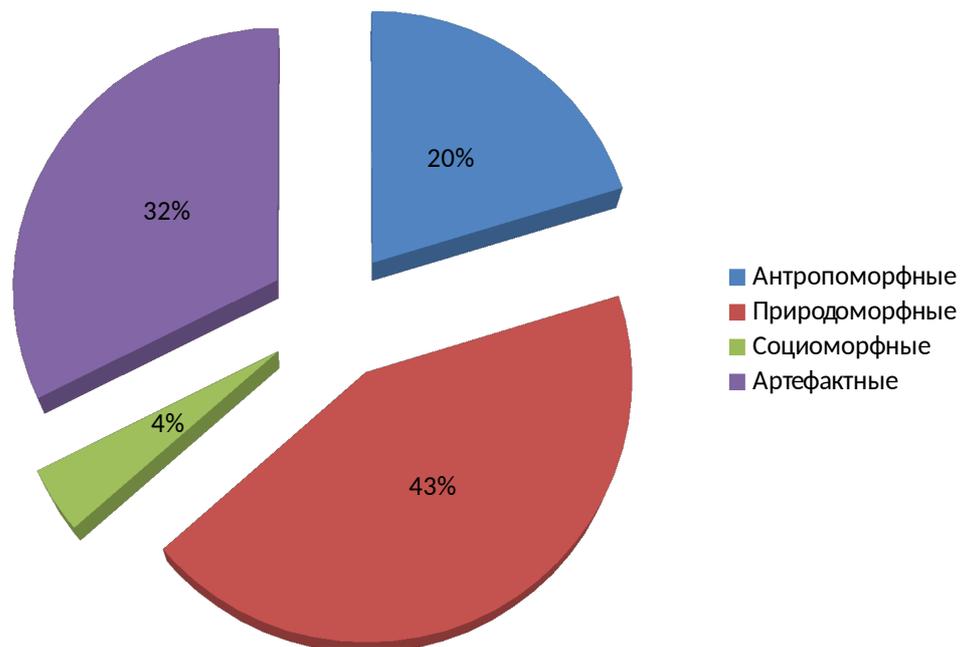
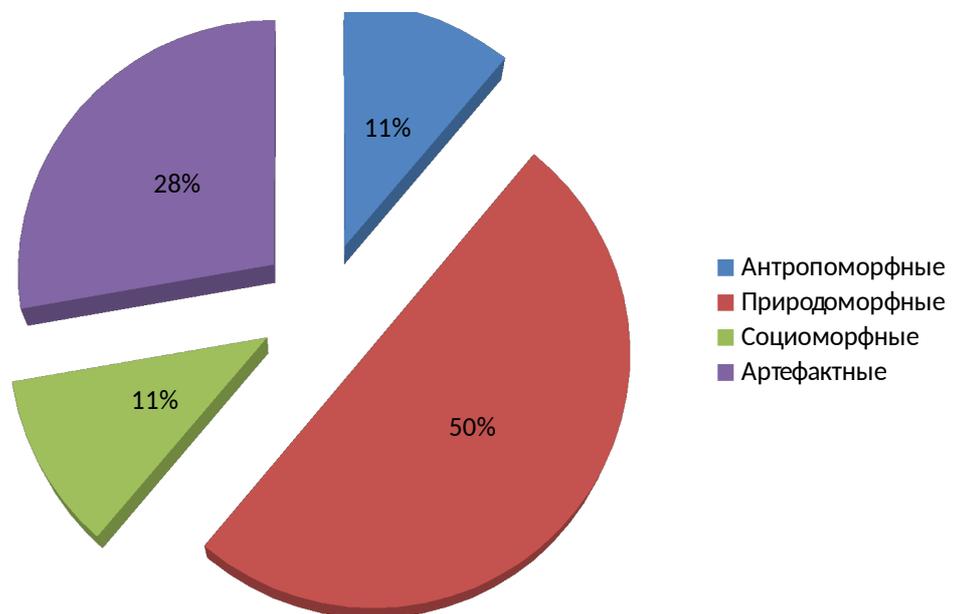

Диаграмма 2. Частотность моделей

Из данных анализа мы можем утверждать, что в данном произведении объект природы «песок» автор склонен сопоставлять с таким же объектом природы, в частности с «водой», чтобы подчеркнуть их связь, их противопоставление. Стоит отметить, что, хотя процент моделей у антропоморфных метафор довольно низок, однако количество самих метафор

имеет удельный вес, что только доказывает стремление человека познать окружающий мир через себя. Не менее важно и то, что большое количество метафор имеют негативную окраску: ПЕСОК – ВРАГ, ПЕСОК – ПРЕПЯТСТВИЕ, ПЕСОК – ЧУЖОЙ.

Кроме того, в процессе анализа метафор по классификации А. П. Чудинова, было отмечено и то, что на создание метафорического образа влияет и то, каким способом она, метафора, передаётся в тексте. Поэтому мы посчитали целесообразным обратиться и к частеречной классификации метафорических конструкций.

Согласно данной классификации выделяют 4 типа метафор:

- наречные (めまぐるしく *memagurushiku*),
- субстантивные (砂が相手じゃないか *suna-ga aite janai-ka*),
- адъективные (砂はいかにも従順で *suna-ha ika-nimo ju:jun-de*),
- глагольные (眼にもしみた, 砂が、顔をうつ *me-nimo shimita, suna-ga.*

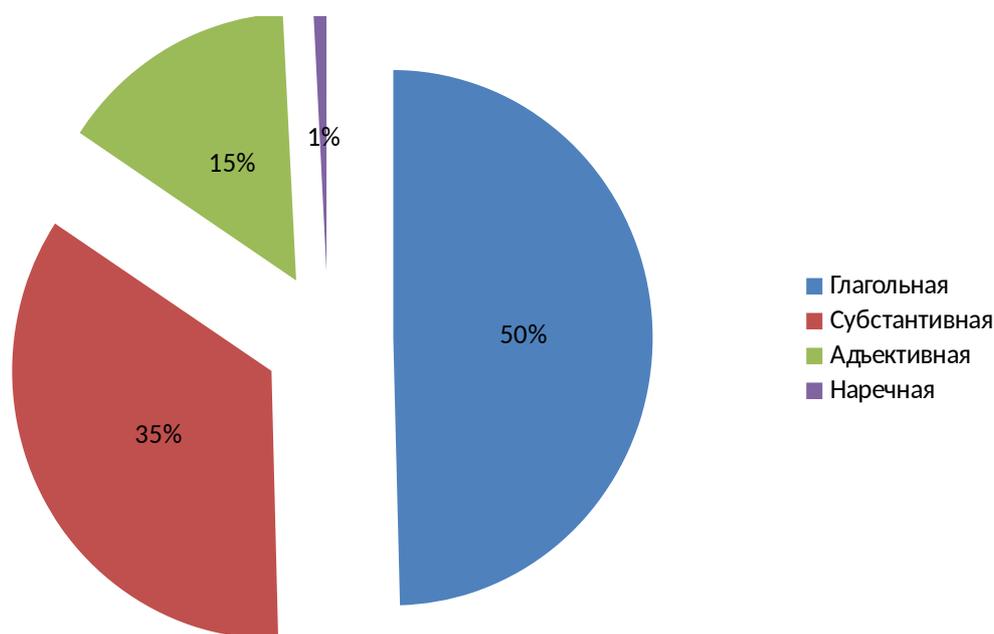
kao-wo utsu).

Однако, в ходе анализа выбранного нами произведения, было обнаружено, что не всегда метафорический перенос передаётся одной единственной частью речи, а зачастую смысл заключается в словосочетаниях или даже в целом предложении. В романе «Женщина в песках» мы обнаружили такие примеры: 砂の変化は、同時に彼の変化でもあった。 *Suna-no henka-ha, do:ji-ni kare-no henka-demo atta*. [阿部公房「砂の女」, 2003: 262]; 声までが、保護色に身をひそめ、砂の色になり、。。。 *Koe-madega, hogoshoku-ni mi-wo hisom, suna-no iro-ni nari, ...* [阿部公房「砂の女」, 2003: 130]; 男はひどくまごついてしまう。小さいと思って何気なく踏みつけた、蛇のしっぽが、意外に大きく、気がつくと、相手の顔が自分の後ろにあったと言うような、とまどいだ。 *Otokoha hidoku magotsuite shimau. Chiisai-to omotte nanigenaku fumitsuketa, hebi-no shippo-ga, igai-ni ookiku, ki-ga tsuku-to, aite-no kao-ga jibun-no ushiro-ni atta-to iu yo:na, tomadoida*. [阿部公房「砂の女」, 2003: 45] и другие.

В конечном итоге, следуя частеречной классификации, было решено сделать анализ примеров, в которых метафорический перенос осуществляется при помощи одной части речи.

Ниже, на Диаграмме 3 мы представили процентное соотношение метафорических переносов по частеречной классификации, которые использует Абэ Кобо в романе «Женщина в песках»:

Диаграмма 3. Частеречная классификация

Из диаграммы мы можем видеть, что для Абэ Кобо характерно использовать в большей степени глагольные метафоры, что отображает особенности японского языка, в котором глагол способен выразить различные состояния и действия, к тому же несущий способность становится любой частью предложения (сказуемым, определением, дополнением и т.д.). Стоит отметить, что чаще всего глагольная метафора встречается именно в природоморфных переносах с помощью глаголов ограниченного употребления (流れる *nagareru*、降る *furu*), с помощью которых автор наиболее явно осуществляет перенос со сферы-источника «вода» на новую сферу «песок».

Субстантивные метафоры также обширно представлены в природоморфных типах, но это обусловлено скорее тем, что в данном романе именно этот тип преобладает количественно. Однако все артефактные метафоры представлены метафорическим переносом с помощью простых существительных (砂の袋 *suna-no fukuro*, 細い糸になつて *hosoi ito-ni natte*).

Адъективные метафоры имеют не очень широкий диапазон, но несут в себе ярко выраженную экспрессию: 砂はいかにも従順で *suna-ha ika-nimo ju:jun-de*, 砂つてやつは、れっきとした鉱物 *suna-tte yatsu-ha, rekki-toshita ko:butsu*. Большинство представленных адъективных метафор способствуют усилению определенных качеств явлений, действий или предметов.

Наречных же метафор практически не было обнаружено, однако мы заметили такую особенную черту, что в японском языке, метафорический перенос может осуществляться и при помощи ономастопов, как например ごうごう *go:go:*. Зачастую ономастопы могут относиться только к конкретным явлениям и ситуациям, поэтому автор легко может осуществлять метафорические переносы, используя звуки одной сферы для характеристики другой.

Итак, при помощи анализа мы выяснили, что Абэ Кобо для создания метафорического образа песка склонялся к использованию природоморфных моделей переноса. Кроме того, с учётом особенностей японского языка, а точнее того, что смысловую нагрузку в предложениях в большей степени несут глаголы, глагольная метафора получила широкое распространение в романе. Также мы обнаружили такую особенность в романе, как метафорический перенос с помощью ономастопных единиц.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2

Во второй главе по результатам анализа 74 метафоры, из них 15 антропоморфных, 32 природоморфных, 3 социоморфных, 24 артефактных метафоры. Также нами было выявлено 18 концептуальных метафорических моделей, а именно: ПЕСОК – ЧЕЛОВЕК, ПЕСОК – ЧАСТЬ ТЕЛА, ПЕСОК – ЗВЕРЬ, ПЕСОК – ЖИДКОСТЬ, ПЕСОК – ВОДА, ПЕСОК – ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ, ПЕСОК – ОГОНЬ, ДЮНА – ЛАВИНА, ПЕСОК – ОКЕАН, ПЕСОК – ВОЛНА, ПЕСОК – ТУМАН, ПЕСОК – ЕДА, ПЕСОК – ВРАГ, ПЕСОК – ЧУЖОЙ, ПЕСОК – ПРЕДМЕТ БЫТА, ПЕСОК – ПРЕПЯТСТВИЕ, ПЕСОК – ПРОСТРАНСТВО, ПЕСОК – ЁМКОСТЬ. Одни модели метафор казались вполне очевидными, например ПЕСОК – ПРЕПЯТСТВИЕ, потому как песок, песчаные дюны – это природные объекты, которые в той или иной степени усложняют жизнь человека, или ПЕСОК – ЗВЕРЬ, так как дикие звери представляют угрозу для человека, как и стихийные бедствия. Однако другие модели: ПЕСОК – ОГОНЬ, ПЕСОК – ЁМКОСТЬ, ПЕСОК – ЕДА – были довольно необычными и неожиданными. Стоит отметить, что анализ ряда метафор показал, что характерная модель ВРЕМЯ – ПЕСОК вообще не встречается в данном романе.

Метафоры были распределены в следующие разряды, по которым было вычислен общий процент употребления метафорического образа «песка» в той или иной модели сравнения:

- 1) Антропоморфная метафора – 2; 11,1 %
- 2) Природоморфная метафора – 9; 50 %
- 3) Социоморфная метафора – 2; 11,1 %
- 4) Артефактная метафора – 5; 27,8 %

На основе четырёх типов моделей метафоры мы выяснили, какие понятийные сферы-источники легли в основу концептуальной метафоры. Среди них можно отметить: «Части тела», «Деятельность человека»,

«Характер человека», «Свойства воды», «Природные явления», «Быт человека», «Вкусовые качества», «Цвет», «Внешний вид».

Наиболее значимой моделью метафор нам показалась модель ПЕСОК – ВОДА, потому как исконно эти два символа противопоставляются друг другу, в то время как автор использует неоднократно метафорический перенос характеристик и свойств с воды на песок:

ズボンのひだから、砂がこぼれた。Zubon-no hida kara, sun-ga koboreta. [阿部公房「砂の女」, 2003: 19].

«Из складки брюк вылился песок» [собственный перевод].

波の一つに、目標をさだめ、それがちょうど靴の踵の端にとどいたときに、立上った。Nami-no hitotsu, mokuhyo:-wo sadame, sore-ga cho:do kutsu-no kakato-no tan-ni todoita toki-ni, tachinobotta. [阿部公房「砂の女」, 2003: 19]. «Он заметил небольшую волну песка и, как только она докатилась до каблука его ботинка, поднялся» [Гривнин, 2004].

И наоборот:

大洋は白く乾いた砂だった。Taiyo:-ha shiroku kawaita suna data. [阿部公房「砂の女」, 2003: 9]. «Океан был белым высушенным песком» [Гривнин, 2004].

А также модели, которые представляют песок живым существом, относящиеся и к антропоморфному: 砂は休んじゃくれません。。。Suna-ha yasunjakuremasen... [阿部公房「砂の女」, 2003: 45] – «Песок не отдыхает и не дает отдыха...» [Гривнин, 2004]; и к природоморфному: ずるい獣のように、吸いつく砂。Zurui kimono-no yo:ni, suitsuku suna. [阿部公房「砂の女」, 2003: 121] – «Песок полз за ним, как хитрый зверь» [Гривнин, 2004]; и к социоморфному: たかだか砂が相手じゃないか。Takadaka suna-ga aitejanaika. [阿部公房「砂の女」, 2003: 71] – «Не песок ли его главный враг?» [Гривнин, 2004] – типу метафор.

Стоит отметить, что метафорические переносы автор осуществляет разными способами, такими как:

1) номинация предмета: 砂が流動しているのではなく、実は流動そのものが砂なのだという。。。 *Suna-ga ryu:do:shiteiru-no dewanaku, jitsu-wa ryu:do:sonno mono-ga suna nano-de to iu...* [阿部公房「砂の女」, 2003: 110]. «Песок не является течением, на самом деле, течение и есть песок...» [Гривнин, 2004];

2) использование сравнения ずるい獣のように、吸いつく砂。 *Zurui kimono-no yo:ni, suitsuku suna.* [阿部公房「砂の女」, 2003:121] – «Песок полз за ним, как хитрый зверь» [Гривнин, 2004];

3) при помощи глаголов やがて天井の一角から、砂がめまぐるしく変化するになって、どっと吐き出されてきた。 *Yagate tenjo:-no ikkaku-kara, suna-ga memagurushiku henkasuru-ni natte, dotto hakidasaretekita.* [阿部公房「砂の女」, 2003: 77]. «Потом из потолка, то из одного места, то из другого, устремилось вниз множество ручейков песка» [Гривнин, 2004];

4) при помощи прилагательных: ...ただ際限もない砂と空だけだ... ... *tada saigen-mo nai suna-to sora dakeda...* [阿部公房「砂の女」, 2003: 73]. «только бескрайний песок, да небо... » [Гривнин, 2004] и другие.

Проведя анализ романа Абэ Кобо «Женщина в песках», мы выяснили, что метафоры могут выполнять различные функции в японоязычном художественном тексте, не только декоративную, но и такие как: эвфемистическую, назывную, оценочную функции. С помощью метафоры автор и украшает язык своего произведения, и даёт возможность читателю точнее и глубже понять замысел автора и его взгляд на мир, как представителя определённого языкового общества.

Мы выяснили, что самым распространённым приёмом романа Абэ Кобо является природоморфная метафора, которая в большей степени передаётся глаголами, делающими перенос свойств сферы-источника на новую сферу наиболее успешным. Это мы объяснили особенностями японского языка и глагола как части речи.

Кроме того, на основе анализа метафор данного романа мы можем сказать, что метафора в японском художественном тексте способна выражать и отражать авторскую задумку и особенности мировоззрения автора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метафора представляет то лингвистическое явление, которое тесно связано с человеческим мышлением и мировоззрением. Она даёт возможность представлять абстрактные, сложные для восприятия понятия наглядно, образно и ярко. Как следствие, многие научные понятия являются метафорами, хотя зачастую не осознаются таковыми. Метафора является сложным и многогранным лингвистическим понятием, поэтому вызывает интерес исследователей разных подходов и направлений, что создает проблему определения понятия метафоры и ее классификации.

Подводя итоги нашего выпускного квалификационного исследования, отметим, что нами были достигнуты основные цели и выполнены поставленные задачи.

Так, в первой главе раскрывается проблема определения метафоры, компоненты её формирования, проблематика классификации метафор, а также роль концептуальной метафоры в формировании картины мира человека. Кроме того, мы рассмотрели метафору как один из способов концептуализации, а также особенности функционирования концептуальной метафоры и обратились к её классификациям. Мы предприняли попытку проанализировать языковую природу метафоры, опираясь на определение, данное А. П. Чудиновым, то есть, метафора представляет собой основную ментальную операцию, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при помощи новой сферы. Следует отметить, что изучением метафоры в речи занимаются разные ученые, все они дают различное определение метафоры, рассматривают ее с разных точек зрения. В нашей работе мы выявили наиболее общие положения определения метафоры и определили ее основные функции. Такие, как: информативная, игровая, мнемоническая, текстообразующая, эвристическая и другие. Кроме того, метафора включает в

себя некоторые разновидности, к которым относятся когнитивная, генитивная, автономная и неавтономная метафоры.

Метафора как средство образования новых значений имеет свои типы, включая генитивную метафору, когнитивную метафору, атрибутивную метафору. Мы подробно рассмотрели особенности когнитивной метафоры в языке. Данный тип метафоры образует новое понятие при помощи уже существующих единиц. Примечательно, что при образовании когнитивной метафоры участвуют различные средства. Например: существительное, глагол, прилагательное, сравнительные конструкции, устойчивые фразеологические обороты и так далее.

Во второй главе представлена практическая часть проделанной работы. Были проанализированы оригинальный текст романа Абэ Кобо «Женщина в песках» и текст перевода В. С. Гривнина. На основе теоретического материала мы выявили некоторое количество метафорических конструкций в романе. Были выделены следующие метафорические модели: ПЕСОК – ЧЕЛОВЕК, ПЕСОК – ЧАСТЬ ТЕЛА, ПЕСОК – ЗВЕРЬ, ПЕСОК – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, ПЕСОК – ЖИДКОСТЬ, ПЕСОК – ВОДА, ПЕСОК – ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ, ПЕСОК – ОГОНЬ, ДЮНА – ЛАВИНА, ПЕСОК – ОКЕАН, ПЕСОК – ВОЛНА, ПЕСОК – ТУМАН, ПЕСОК – ЕДА, ПЕСОК – ВРАГ, ПЕСОК – ОППОНЕНТ, ПЕСОК – ПРЕДМЕТ БЫТА, ПЕСОК – ЁМКОСТЬ, ПЕСОК – ПРЕПЯТСТВИЕ, ПЕСОК - ПРОСТРАНСТВО.

Стоит отметить, что ранее упоминалось, что роман «Женщина в песках» является романом-метафорой, а его главным символом является песок, который метафорически изображает повседневность. То есть, песок в романе представлен как бытие, а значит, все метафорические модели характеризуют отношение героя и, следовательно, автора к повседневности. Изначально мы видим песок в виде модели ПЕСОК – ЗВЕРЬ, ПЕСОК – ВРАГ, что передаёт нежелание героя принимать действительность. Однако дальше всё чаще через модели ПЕСОК – ВОДА, ПЕСОК – ПРЕДМЕТ БЫТА

и другие мы понимаем, что герой постепенно смиряется со своей участью и принимает свою жизнь такой, какая она есть.

Нами было установлено, что излюбленными приёмами автора являются природоморфные и артефактные метафоры, которые в большей мере передаются при помощи глаголов и существительных.

Говоря о наличии когнитивной метафоры в романе, следует отметить, что языковыми механизмами реализации метафорического переноса в художественном произведении являются переносы при наименовании предмета, при использовании существительного, прилагательного, генитивных сочетаний, устойчивых фразеологических сочетаний и в большей степени глаголами, а также мы обнаружили, что перенос возможен при помощи ономастических единиц. Нам представилась возможность объяснить данный факт особенностями японского языка и связать с типами метафор по классификации В. С. Чудиного, которые использует Абэ Кобо.

В нашем исследовании мы обобщили полученную информацию и рассмотрели метафору с различных точек зрения. В результате решения задач конечная цель была достигнута: выявлены метафорические модели и, как следствие, концепт песка. Таким образом, мы выяснили, что метафора представляет огромный интерес для дальнейшего изучения, так как до настоящего времени нет однозначного определения данного явления, что и является причиной возникновения различных споров о природе, содержании и употреблении метафоры.

Ввиду масштаба работы, не стояло задачи рассмотреть каждый из заявленных пунктов оглавления детально. Возможно, данная работа послужит основанием для более детального изучения.

Тем не менее, данная работа не теряет своей актуальности и новизны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт. Москва, 1988. 341 с.
2. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Москва, 1978. 333-343 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва, 1999. 896 с.
4. Баранов А. Н. О типах сочетаемости и метафорических моделях // Вопросы языкознания №2. 2003. 73-94 с.
5. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты // Известия Уральского федерального университета. 2013. 6-13 с.
6. Ботоев И. К. Сравнительный подход к метафоре японского и русского языков // Вестник Бурятского государственного университета. 2003. 30-32 с.
7. Верли М. Общее литературоведение. Москва, 1957. 244 с.
8. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций. Языковая номинация. Общие вопросы. Москва, 1977. 230-293 с.
9. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. Москва, 1990. 172-193 с.
10. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. Москва, 1978. 114 с.
11. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Москва, 1988. 141-172 с.
12. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Москва, 2001. 72-81 с.
13. Лакофф Д. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. Москва: Просвещение, 1995. 17-24 с.
14. Маслова В. А. Лингвокультурология. Москва: Изд-во «Академия», 2001. 203 с.
15. Москвин В. П. Русская метафора: параметры классификации. Москва, 2006. 66-74 с.

16. Несветайлова И. В. Вербальные и невербальные способы выражения ревности // Лингвистика XXI века (к 65-летнему юбилею проф. В. А. Масловой) под науч. ред. Брицын В. М., Виноградов В. А., Казиминова И. А.: Изд-во «ФЛИНТА», 2014. 309-313 с.
17. Сенцов А. Э., Онищенко А. К. К проблеме исследования концептуальной метафоры // Молодой ученый. 2015. Выпуск 4. 802-804с.
18. Трынкова О. В. К вопросу о методике изучения метафорических моделей в рамках когнитивно-дискурсивного подхода // Тула: Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2008. Выпуск 1. 265-269 с.
19. Харченко В. К. Функции Метафоры. Воронеж, 1992. 88с.
20. Хахалова С. А. Метафора в функции аккумуляции языковой культуры. Иркутск, 1997. 103-110 с.
21. Чудинов А. П. Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. 38-53 с.
22. Чудинов А. П. Теория метафорического моделирования на современном этапе развития // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2000. 76 с.
23. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. University of Chicago Press. 2003. 256 p.
24. Nomura M. The ubiquity of the fluid metaphor in Japanese: A case study. Poetica. 2003. 46 p.
25. Ritchie L. D. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing Conversation // Metaphor and Symbol, 2004. Vol. 19(3). 233-244 p.

Электронные ресурсы

26. Аристотель. Поэтика. Риторика. [Электронный ресурс] 2000. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=2833> (дата обращения: 12.12.15)
27. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Москва, [Электронный ресурс] 1990. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm> (дата обращения: 05.11.15)
28. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Москва, [Электронный ресурс] 2013. URL: <http://philologos.narod.ru/aroutsent/aroutmain.htm> (дата обращения: 07.11.15)
29. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. Санкт-Петербург, [Электронный ресурс] 2000. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/glazunova-00.htm> (дата обращения: 10.12.15)
30. Грузберг Л. Концептуальная метафора // Филолог. Пермь, [Электронный ресурс] 2004. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/dompub_5_101 (дата обращения: 05.11.15).
31. Опарина Е. О. Концептуальная метафора и её функции в языке: автореф. дис. на соискателя ученой степени канд. филол. наук:10.02.19. Москва, [Электронный ресурс] 1990. URL: <http://cheloveknauka.com/v/417303/a/#?page=1> (дата обращения: 04.11.15)
32. Универсальная научно-популярная энциклопедия «Кругосвет» // Лингвистическая относительная гипотеза [Электронный ресурс] URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/LINGVISTICESKO_OTNOSITELNOSTI_GIPOTEZA.html?page=0,0 (дата обращения: 15.01.2016)
33. Чудинов А. П. Новые исследования по политической лингвистике // Политическая лингвистика: научный журн. / Гл. ред. А. П. Чудинов; Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», [Электронный ресурс] 2005. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/novye-issledovaniya-politicheskoy-lingvistike-2002-2004> (дата обращения: 03.11.15).
34. Шевченко Л. Л. Метафора как средство моделирования концептуальной системы автора // Диссертация на соискание ученой степени

канд. филол. наук. Барнаул. [Электронный ресурс] 2005. URL: <http://www.dissertat.com/content/metafora-kak-sredstvo-modelirovaniya-kontseptualnoi-sistemy-avtora-na-materiale-proizvedenii> (дата обращения: 03.11.15).

35. 公平鈴木. <コミュニケーション>の比喩表現:日英比較の観点から // Kobe University Repository: Kernel. Kobe, [Электронный ресурс] 2009. URL: <http://www.lib.kobe-u.ac.jp/repository/81001518.pdf> (дата обращения: 22.02.2016).

36. 佐藤信夫. リトリック感覚. Токио: Коданся [Электронный ресурс] 1992. URL: <http://www.ritsumeit.ac.jp/acd/gr/gsce/db1990/9200sn.htm> (дата обращения: 16.05.16)

37. 方小賛 日本語慣用句の成り立ち:理論的な枠組みと発生のメカニズム. 浙江, [Электронный ресурс] 2014. URL: https://uuair.lib.utsunomiya-u.ac.jp/dspace/bitstream/10241/9817/1/02883309-63-77_85.pdf (дата обращения: 19.05.16)

38. 隠喩 // ふき出しのリトリック [Электронный ресурс] 2013. URL: http://members3.jcom.home.ne.jp/balloon_rhetoric/example/metaphor.html (дата обращения: 15.04.16)

39. メタファーと認知 // 香川大学一般教育研究 №.46. Кагава, [Электронный ресурс] 1994. URL: <http://www.ec.kagawa-u.ac.jp/~mogami/metapher94.html> (дата обращения: 13.05.16)

Словари и справочники

40. Быкова С. А. Японско-русский фразеологический словарь. Москва: Муравей-гайд. 200. 272 с.

41. Тресиддер Дж. Словарь символов. Москва, 1999. 189 с.

42. Японско-русский компьютерный офф-лайн иероглифический словарь Yaghi.

43. Японско-русский электронный словарь Warodai [Электронный ресурс] URL: <https://warodai.ru/lookup/index.php> (дата обращения: 19.05.2016).

44. Японско-японский электронный словарь goo 辞書 [Электронный ресурс] URL: <http://dictionary.goo.ne.jp/> (дата обращения: 20.05.20016).

45. Японско-японский электронный словарь Kotobank [Электронный ресурс] URL: <http://kotobank.jp/> (дата обращения: 20.05.20016).

46. Японско-японский электронный словарь Weblio Jisho [Электронный ресурс] URL: <https://weblio.jp/> (дата обращения: 20.05.2016).

Материалы исследования

47. 安部公房「砂の女」, Токио, 2003. 276 с.

48. Гривнин В. С., перевод «Женщина в песках». Москва, [Электронный ресурс] 2004. URL: http://librebook.ru/suna_no_onna/vol1/1 (дата обращения: 22.05.16)